

Путь в Европу

Эстония, Литва, Латвия,
Польша, Венгрия, Чехия,
Словакия, Болгария, Румыния,
Словения, Восточная Германия

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Сборник статей
Путь в Европу

«Новое издательство»

2008

Сборник статей

Путь в Европу / Сборник статей — «Новое издательство», 2008

Книга «Путь в Европу» объединяет материалы инициированного Фондом «Либеральная миссия» цикла дискуссий между российскими экспертами и представителями стран Восточной Европы и Балтии, вошедших в последние годы в состав Европейского союза. В центре внимания дискуссий – экономические и политические реформы, которые эти страны осуществили в течение последних 20 лет. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

© Сборник статей, 2008

© Новое издательство, 2008

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	9
Эстония	9
Экономическая и социальная политика	11
Политическая и правовая система	18
Внешняя политика	25
Литва	33
Экономическая и социальная политика	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сборник статей Путь в Европу

Предисловие

Летом 2008 года один из руководителей российского правительства на представительном международном форуме заявил о том, что современная Россия осуществляет модернизацию, никого не догоняя и догонять не собираясь. И объяснил это тем, что в отечественной истории догоняющая стратегия уже не раз обнаружила свою несостоятельность: догонять-то, мол, догоняли, но потом снова отставали и снова бросались вдогонку с тем же кратковременным успехом и долговременным неуспехом. Что же приходит на смену этому многовековому циклическому развитию?

Теперь, как нам объяснили, модернизацию предстоит осуществлять, опираясь на собственные национальные ценности и традиции. Однако такая идея, чтобы стать привлекательной и мобилизующей, нуждается в расшифровке; в абстрактном виде она выглядит не очень понятной. Ведь о национальных ценностях и традициях и необходимости следовать им говорится не первый год. Именно к ним апеллировали, к примеру, многие идеологи «суверенной демократии», которые так и не нашли время объяснить, что в такой «демократии» относится к традиционному, а что – к современному, т. е. к демократии без кавычек. Равно как и то, как эти два начала в ней сочетаются. Но и идея самобытной модернизации, принципиально отличающейся к тому же от прежних отечественных догоняющих модернизаций, которым тоже ведь трудно отказать в самобытности, – из того же ряда.

Эти прежние модернизации действительно обеспечивали лишь ситуативные достижения, не страховавшие от последующих новых отставаний. Но не потому, что были догоняющими, а потому, что их инициаторы ставили перед собой и своими соотечественниками ограниченные задачи. Речь шла лишь о том, чтобы догнать (а по возможности и перегнать) ушедшие вперед страны в военно-технологической области. О том, чтобы догонять их в создании институтов, которые и обеспечивали достижения этих стран, формируя в них социально-экономическую и культурную среду, необходимую для стимулирования инновационной деятельности, вопрос не ставился. Институты сохранялись (и даже укреплялись) свои, самобытные. Но если так, то что же означает декларируемый сегодня отказ продолжать гонку за мировыми лидерами в пользу органического национального развития?

Он может означать признание того, что догоняющая военно-технологическая модернизация в стране, чья безопасность гарантирована ядерным зонтиком, стала неактуальной. Он может означать, что официально провозглашенный курс на инновации обусловлен не тем, что мы в этом деле от кого-то отстали, а чем-то еще, хотя чем именно, пока не ясно. Он может означать, наконец, что намечаемое и реализуемое нынешними властями реформирование экономических и правовых институтов продиктовано не желанием преобразовывать их в соответствии с более передовыми зарубежными образцами, а стремлением сделать их более эффективными, не покушаясь на их самобытные ценностные основания.

Похоже, речь идет прежде всего именно о последнем. Но в таком случае альтернатива «догонянию» – это альтернатива не столько военно-технологическим прорывам в духе и стиле Петра I или Сталина, сегодня заведомо нереальным, сколько социально-политическим трансформациям, тоже имевшим место в нашем давнем и недавнем прошлом. И в первую очередь радикальным институциональным преобразованиям 1990-х годов, третируемым в последнее время как заемных и чужеродных, с национальными ценностями несовместимых и для них разрушительных.

Мы тоже считаем, что реформы 1990-х требуют тщательного критического анализа. Они действительно не привели к результатам, на которые рассчитывали реформаторы. Но, как нам кажется, вовсе не потому, что проводились посредством догоняющего заимствования чужих, т. е. западных, институтов, а потому как раз, что заимствование это сознательно или подсознательно приспособлялось к отечественным традициям. То была не догоняющая, а вполне самобытная институциональная модернизация, которая в годы правления президента Путина не отменялась, а корректировалась в авторитарно-чекистском духе на уже заложенном ею системном фундаменте. Сегодня же мы наблюдаем реакцию на стратегическую бесперспективность этой коррекции, при которой стабильность обеспечивалась за счет развития, и попытки сообщить нашей выдохшейся институциональной модернизации второе дыхание.

Ее изначальное и последующее своеобразие, повторим, очень важно понять, чтобы лучше представлять себе ее возможные перспективы. Но выявить своеобразие чего-то можно только в сравнении с чем-то аналогичным. Процессы же, аналогичные российским, происходили лишь в бывших социалистических странах, причем в десяти из них, включая три бывшие республики советской Прибалтики, модернизация институтов уже завершилась – по крайней мере, настолько, насколько это было необходимо для их интеграции в европейское сообщество. А завершилась прежде всего потому, что они хотели и продолжают хотеть догонять страны, вошедшие в это сообщество раньше. Догонять в смысле достижения европейского уровня благосостояния и овладения необходимыми для этого европейскими экономическими, политическими и правовыми инструментами.

Отказ же догонять ушедших вперед означает отказ от самой такой цели, признание неприоритетности народного благосостояния и его роста хотя бы до португальского уровня, достижение которого еще не так давно обещали населению. И, соответственно, неафишируемое признание приоритетности благосостояния новой российской элиты, которой и в самом деле в этом отношении никого догонять не надо, так как она уже всех догнала и даже перегнала. Поэтому обществу важно знать, как ход и результаты модернизации зависят от цели, которая перед ней ставится.

Этим соображением мы и руководствовались, замышляя проект «Путь в Европу». Нам хотелось рассказать о том, как происходили реформы в странах Восточной Европы и Балтии, с какими проблемами эти страны сталкивались, каким образом их решали и чего на сегодня добились. И, соответственно, о том, чем тамошние преобразования, менее чем за два десятилетия коренным образом изменившие жизненный уклад ста с лишним миллионов людей и интегрировавшие их в европейскую цивилизацию, были схожи с российскими реформами и чем от них отличались.

Материалы, которые мы получали по каждой стране, предварительно размещались на сайтах Московского центра Карнеги и Фонда «Либеральная миссия» – двух организаций, данный проект инициировавших. Теперь эти материалы собраны в книге, которую мы и предлагаем вниманию читателей. Им и судить, что лучше: догонять тех, кто впереди, как делали и делают другие, или закрыть глаза на само отставание, камуфлируя его под возвышающую нас самобытность.

Это – не академическое исследование. Книга состоит из бесед российских экспертов с представителями стран, вошедших в последние годы в Большую Европу. При этом мы не ставили перед собой задачу критически анализировать опыт этих стран, а зарубежным коллегам почти не предлагали сравнивать его с опытом российским. Но вопросы, которые мы им задавали, диктовались, как правило, именно отечественными проблемами, а потому и в ответах такое сравнение очень часто прямо или косвенно присутствует. Надеемся, что читатель его тоже увидит. В этом ему могут помочь и обобщающие комментарии трех российских участников бесед, представленные в заключительном разделе книги.

Предварительно считаем целесообразным отметить некоторые ее особенности. Во всех беседах содержится обстоятельная информация о реформах в той или иной стране и ее нынешнем состоянии. Однако сценарии этих бесед не были жесткими, их ход зависел и от модераторов, которые менялись, и от состава и интересов не только зарубежных, но и российских участников, которые менялись тоже. Поэтому в одних случаях те или иные конкретные темы обсуждались достаточно детально, а в других о них говорилось вскользь. Кроме того, представители некоторых стран приходили на встречи с заранее подготовленными докладами, а представители других – лишь с установкой отвечать на вопросы. Это (хотя и не только это) предопределило и неодинаковую последовательность обсуждения отдельных вопросов. Скажем, информация об истории экономических и политических реформ чаще всего предшествовала информации об их результатах, но иногда дело обстояло наоборот.

Такого рода различия обуславливались и тем, что мы хотели выяснить не только то общее, что роднит реформы во всех странах, но и индивидуальное своеобразие трансформации каждой из них. Понятно, что это тоже не могло не сказаться на сценариях наших бесед. Причем наиболее отчетливо – в случае с бывшей ГДР, где реформам предшествовало ее вхождение в ФРГ с сопутствующим исчезновением восточногерманской государственности.

Однако при всех таких различиях основная тематика бесед была структурирована предельно жестко. Представителей каждой страны мы заранее просили подготовить подробные сведения, в том числе и статистические, о развитии экономики и социальной сферы, об устройстве государственной системы и ее эффективности, а также об особенностях внешней политики этой страны, включая ее отношения с Россией, до и после вступления в НАТО и Евросоюз. И почти все, что просили, мы получили. Некоторые информационные пробелы по отдельным странам внимательный читатель все же обнаружит, но это, надеемся, не помешает ему составить достаточно полное представление о посткоммунистических модернизациях в Восточной Европе и Балтии, которые, при всем своем разнообразии, от российского аналога существенно отличаются. Прежде всего своими целями, но именно потому и результатами.

В книге почти нет данных о социально-экономическом развитии России и уровне жизни в ней. Мы их не приводили, полагая, что читатель неплохо осведомлен о том, какие в стране темпы экономического роста, какая инфляция и каковы размеры зарплат и пенсий. Но, чтобы у вас появился настрой на сопоставление догоняющей модели институциональной модернизации с недогоняющей, апеллирующей не к заграничным стандартам, а к национальным ценностям и традициям, некоторые сведения все же приведем. Вот как выглядели в 2007 году, по данным Международного валютного фонда, страны Новой Европы и Россия по такому показателю развития, как ВВП на душу населения.

	ВВП на душу населения, USD	Место среди 178 стран		ВВП на душу населения, USD	Место среди 178 стран
Словения	26,576	29	Литва	17,749	47
Чехия	25,346	33	Польша	16,599	52
Эстония	21,860	36	Россия	13,432	59
Венгрия	21,040	40	Румыния	11,079	64
Словакия	20,002	42	Болгария	10,973	65
Латвия	18,005	46			

Как видим, Россия опережает только Румынию и Болгарию, причем не намного. Но в Румынии, заметьте, нефть хоть и есть, но ее вклад в экономику несопоставим с тем, что имеет место у нас, а в Болгарии, как и во всех других рассматриваемых странах, нет ни нефти, ни газа. Не спешите, следуя модной ныне объяснительной схеме, искать причины отставания двух православных стран в том, что они православные. Почитайте, что говорят об этих причинах

сами румыны и болгары. Они говорят, что отстали потому, что поначалу не хотели никого догонять и пытались искать свои «особые пути» модернизации.

Завершая это предисловие, хотим выразить благодарность посольствам Болгарии, Венгрии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Словакии, Словении, Чехии и Эстонии в Российской Федерации за участие в организации наших встреч с представителями этих стран. Без такой поддержки наш проект реализовать бы не удалось. Естественно, что организаторами определялись и сроки проведения бесед. Отчеты о них представлены в книге в той последовательности, в которой они проходили.

Благодарим также Фонд Науманна и его московское представительство за помощь, оказанную нам в организации встречи с германскими исследователями, изучающими трансформационные процессы в бывшей ГДР. Благодарим всех дипломатов, аналитиков и журналистов, старавшихся ответить на наши вопросы, и российских экспертов, которые эти вопросы задавали. Считаем нужным отметить также большой вклад в реализацию проекта Натальи Борисовны Давиденко, которой тоже выражаем свою благодарность.

Игорь Клямкин,
вице-президент Фонда «Либеральная миссия»

Лилия Шевцова,
ведущий исследователь Московского центра Карнеги

P.S. Рукопись этой книги уже находилась в издательстве, когда началась российско-грузинская война, сопровождавшаяся серьезными международными последствиями. Разумеется, в книге они отражения не нашли. И мировой финансовый кризис стал набирать обороты уже после того, как наша работа над проектом была завершена. Из книги читатель узнает о том, с какими результатами страны Восточной Европы и Балтии подошли к этому кризису. А как они из него будут выходить, находясь в объединенной Европе (в отличие от России, пребывающей за ее пределами), покажет время.

Часть первая Путь в Европу

Эстония

Лилия Шевцова (ведущий исследователь Московского центра Карнеги):

Уважаемые друзья и коллеги! Вначале позвольте сказать несколько слов по поводу наших целей и задач. Они достаточно амбициозные: мы хотим не только содействовать формированию нормальных и конструктивных отношений между Россией и ее соседями, но и посмотреть, что в политической и экономической практике соседних государств, которые стали частью единой Европы, может оказаться полезным для российской трансформации. Если не сегодня, то завтра. Я имею в виду не сам факт институциональной интеграции в Европу (ни в России, ни в Европе такие перспективы сегодня не рассматриваются), а общую направленность реформ, которые этой интеграции предшествовали, и их результаты. Мы хотим лучше понять, что же происходило в новых независимых государствах и бывших коммунистических странах в последние полтора десятилетия, хотим помочь российской общественности осознать суть процессов, имевших там место, и их значение для России.

Начиная наш проект с обсуждения пути Эстонии в Европу, мы ощущаем особую ответственность. Потому что именно в отношениях с Эстонией у России возникли в последнее время проблемы. Эти отношения прошли недавно через этап серьезного кризиса, который окончательно, видимо, все еще не разрешен и его последствия не преодолены. Словом, мы начинаем с наиболее сложного и трудного диалога. Надеемся, что сегодняшний разговор поможет нам выяснить, как ваша страна осуществляла свои реформы, как эстонские политики решали и решают внутренние и внешнеполитические проблемы, что им удалось и что не получилось. Мы нацелены на честный и искренний разговор, и мы знаем, что наши эстонские коллеги хотят того же.

Такое обсуждение необходимо российской общественности еще и потому, что под влиянием официозной пропаганды и безответственных политиков и пропагандистов у нас возникли примитивные стереотипы и искаженные представления о балтийских государствах и векторе их развития. Эти стереотипы и представления оказываются питательной средой для формирования националистической воинственности и оборонного сознания, возвращающих Россию в прошлое. Поэтому чем больше мы будем знать и понимать Эстонию и происходящие там процессы, тем больше у нас, российских либералов, будет аргументов для того, чтобы бороться за выстраивание конструктивных отношений с вашей страной. В свою очередь, установка на нормализацию отношений с российскими соседями неотделима для нас от противостояния попыткам использовать новый «образ врага» для обоснования авторитарных тенденций внутри России.

Судя по составу эстонской делегации, Таллинн серьезно относится и к нашей идее, и к тому, как российская общественность воспринимает Эстонию.

А сейчас я предоставляю слово Евгению Григорьевичу Ясину, научному руководителю Высшей школы экономики и президенту Фонда «Либеральная миссия», который выскажет свое мнение о том, какова наша миссия в этом диалоге.

Евгений Ясин (президент Фонда «Либеральная миссия»):

Наша задача видится мне в том, чтобы представить объективную картину тех успехов и проблем, с которыми сталкиваются наши соседи, бывшие республики Советского Союза или бывшие члены Совета экономической взаимопомощи. Это важно хотя бы потому, что в

России сегодня интерес проявляется главным образом к далеким странам – США, Западной Европе, Китаю, Индии, Бразилии. Что касается народов, которые живут рядом, то о них мало что известно даже специалистам по экономике и политике, не говоря уже о российской общественности. Но это же ненормально, когда об Эстонии или, скажем, о Польше люди в России судят лишь на основании скандалов, раздуваемых нашими СМИ. Между тем опыт посткоммунистической трансформации наших соседей и интересен, и поучителен.

Насколько мне известно, среди стран, которые являются новыми членами Европейского союза, Эстония имеет в последние годы один из самых высоких, около 11%, темп экономического роста. Это неплохо по любым меркам, даже Китай может позавидовать. Говоря же о нашем проекте, еще раз подчеркну, что нам хотелось бы сопоставить развитие России с успехами или проблемами других посткоммунистических стран. Хотелось бы лучше понять, какие факторы сказываются на процессах трансформации в разных странах и в чем именно влияние этих факторов проявляется. Иметь такое представление для нас очень важно. Я вас приглашаю к диалогу.

Лилия Шевцова:

Перед тем как Евгений Григорьевич начнет обсуждение экономического блока, хочу предложить вам два вопроса общего порядка. Первый вопрос: что вам больше всего удалось в вашем движении в Европу, каковы основные успехи вашей страны после обретения независимости? И второй вопрос: что не удалось, как вы определите основную неудачу Эстонии в ее трансформации?

Матти Маасикас (заместитель министра иностранных дел Эстонской Республики):

Для меня большая честь выступать сегодня перед вами. Среди вас я узнаю людей, имена которых мы помним со второй половины 1980-х годов, с времен перестройки. По вашим статьям мы судили о тех переменах, которые происходили тогда в Москве, об их направленности. Это были для нас важные импульсы, стимулировавшие на поиск решений наших проблем. Можно сказать, что именно тогда началось движение Эстонии в направлении НАТО и Европейского союза.

Почему нам удалось пройти наш путь в Европу быстро и относительно безболезненно?

Во-первых, этому способствовали наша история, наше чувство того, что мы, эстонцы, культурно и цивилизационно всегда принадлежали к Европе. Поэтому после обретения независимости нам не нужно было дискутировать о направлении движения, об его цивилизационном векторе. Добавлял уверенности и опыт независимой Эстонии 1920–1930-х годов: он консолидировал эстонцев, на исторической памяти о нем строился общественный консенсус. Идея возвращения в Европу была одновременно и идеей возвращения в собственную историю.

Во-вторых, определенную роль сыграло и то, что Эстония, насколько я знаю, являлась единственной советской республикой, где можно было смотреть телевидение капиталистических стран. Самым популярным телеканалом был финский. Благодаря ему мы узнали, например, что у Леха Валенсы были усы, так как в Советском Союзе его фотографии не печатались. Но главное, мы видели тот образ и уровень жизни, тот быт, которым хотелось подражать, к которому хотелось стремиться.

В-третьих, наши соседи – и финны, к которым мы очень близки и по культуре, и по языку, и шведы – сразу после восстановления нашей независимости стали инвестировать деньги в эстонскую экономику. Очень часто получалось так, в особенности у финских фирм, что первый их шаг на постсоветское пространство осуществлялся именно в Эстонию. А потом уже, вместе с эстонцами, финские и шведские предприятия расширяли сферу своей деятельности на территорию Латвии, Литвы и России.

И, наконец, не могу не сказать о нашем восточном соседе. Мы достаточно мирно разошлись с либеральной Россией в начале 1990-х. Она занималась своими собственными проблемами, в наши дела не вмешивалась, и мы могли тогда спокойно общаться, решать спорные вопросы.

Александр Аузан (президент Института Национального проекта «Общественный договор»):

Хотелось бы все же услышать ответы на те два вопроса, которые поставила Лилия Федорова Шевцова. Каковы главные достижения и неудачи Эстонии после обретения независимости?

Матти Маасикас:

Главное достижение заключается в том, что мы стали членом Европейского союза. Нам хорошо в этом содружестве. И оно же для нас – ориентир в решении тех проблем, которые пока решить не удалось. Скажем, наш уровень жизни (я имею в виду среднедушевой доход) составляет 74% от среднего в Европейском союзе. А мы хотели бы иметь 100% и даже больше. И Эстония к этому стремится.

Евгений Ясин:

Давайте теперь перейдем к более конкретным вопросам, касающимся экономического и социального развития Эстонии в постсоветский период. Какова была ваша модель экономических реформ? Были ли они (и в какой степени) поддержаны обществом? Было ли сопротивление? Как происходила в Эстонии приватизация? Какие социальные группы более других выиграли от вхождения в Европу, а какие проиграли?

Экономическая и социальная политика

Матти Маасикас:

Мы выбрали самый радикальный из всех возможных вариантов экономической реформы. Политические силы, пришедшие к власти в 1992 году, шли на выборы с лозунгом «Очистим площадку от старого!». Они исходили из того, что советская экономика не оставила Эстонии ничего, чем можно воспользоваться. Все нужно было переделывать или создавать заново, причем быстро и решительно.

В основном это удалось, хотя некоторые реформы затянулись. Прежде всего, я имею в виду те из них, которые предполагали реституцию, т. е. возвращение земельной и другой собственности, противоправно отчужденной в советское время, ее прежним владельцам или их потомкам. Тем самым была восстановлена историческая справедливость, но это потребовало времени и затрат. Ведь в случае с землей, скажем, речь шла о возвращении именно прежних участков, что было непросто и что замедлило нашу земельную реформу. Но реституция, обеспечив правопреемство с досоветской Эстонией, позволила нам создать устойчивую правовую систему.

Что касается приватизации, то она была проведена очень быстро: уже в 1993 году почти вся экономика Эстонии находилась в частных руках. Мы ориентировались на немецкую модель приватизации, которая использовалась в бывшей ГДР. Приоритетом для нас было не пополнение бюджета за счет продажи предприятий, а передача их эффективным собственникам, пусть и за символическую цену. В прессе тогда было немало кривотолков по поводу того, кому, что и за сколько продали. Но они быстро утихли. Потому что в целом приватизация оказалась успешной.

Мы, повторю, старались проводить реформы максимально быстро, понимая, что тем самым приблизим и их результат, их позитивный эффект. Порой мы форсировали преобразования даже вопреки мнению наших иностранных друзей, которые советовали нам не спешить, например, с денежной реформой. Мол, в России, благодаря реформам Егора Гайдара, рубль будет стабилизирован, а потому Эстония без ущерба для своих реформ какое-то время может оставаться в рублевой зоне. Тем не менее мы уже в июне 1992 года осуществили переход к собственной валюте (кроне, бывшей в обороте до Второй мировой войны). И оказалось, что поступили правильно.

Марина Кальюранд (посол Эстонии в Российской Федерации):

В числе эстонских реформ следует назвать и жилищную, непосредственно затронувшую большинство жителей. Это тоже была очень радикальная реформа, в результате которой государство освободилось от необходимости содержать разваливавшийся жилищный фонд: ответственность за свое жилье взяли на себя сами люди. То был важный шаг по передаче части государственных функций обществу. Шаг непростой: если приватизация квартир прошла быстро, то создание механизма, обеспечивающего эту ответственность, оказалось более медленным.

Законом о приватизации жилых помещений, принятым в начале 1990-х, предписывалось создание в каждом доме квартирных товариществ. Это касалось 75% населения, проживавшего в то время в квартирах. Фактически людям предстояло научиться создавать совместные предприятия, составлять годовой бюджет, планировать хозяйственную деятельность. В конечном счете они всему этому научились, и сформировалась естественная потребность самим решать все проблемы, касающиеся благоустройства своего дома. Но процесс не был быстрым. Он ускорился лишь в конце 1990-х годов.

Мы исходили из того, что государство должно не просто сбросить с себя некоторые функции, но подготовить население к их выполнению, помочь людям обрести навыки самоорганизации. Образованию товариществ способствовала поддержка со стороны органов местного самоуправления, которые стимулировали процесс различными способами, включая премирование лучше организованных товариществ. Стал издаваться специальный журнал *Elamu* («Жилище»), организовывались информационные дни и другие учебные мероприятия, в которых в 2000—2005 годах приняли участие около 10 тысяч руководителей товариществ. Итог этой многолетней работы: в квартирных товариществах состоит сейчас 60% населения. Для сравнения: в большинстве европейских стран этот процент в три с лишним раза ниже. Так что в данном отношении Эстония достаточно уникальна.

Александр Аузан:

Я хочу вернуться к приватизации предприятий. Есть ли статистические данные о том, что вам удалось найти эффективных собственников? Сохранилась ли собственность в руках тех, кто получил ее в ходе приватизации? И как сказалась она на эффективности работы предприятий?

Матти Маасикас:

Об эффективности тех или иных реформ можно судить по общим показателям экономического развития. Поначалу преобразования сопровождались спадом: в 1992 году эстонский ВВП уменьшился на 14,2%, в 1993-м – на 8,5%. Однако уже во второй половине 1994 года наметился перелом, и вскоре начался экономический рост: в 1995 году он составил 4,3%, в 1996-м – 4,5%. Правда, не все сектора экономики развивались одинаково быстро и успешно. Скажем, в сельском хозяйстве из-за упомянутого замедления земельной реформы и инерции колхозно-совхозной дотационной системы рост наметился лишь в 1997 году. Но теперь мы имеем конкурентоспособное сельское хозяйство.

Я не могу привести количественные данные об эффективных и неэффективных собственниках. Но сколько-нибудь серьезных проблем, связанных с несостоятельностью новых владельцев предприятий, в Эстонии не возникало. При этом аналитики считают, что наиболее успешными часто оказывались предприятия, собственниками которых стали иностранные (в основном западные) бизнесмены. Это обусловлено тем, что они, как правило, имели лучший доступ на внешние рынки и лучшие возможности для привлечения инвестиций.

Что касается сохранения собственности в руках тех, кто получил ее в ходе приватизации, то перепродаж предприятий, а тем более их закрытия было немного. Да, имел место случай, когда шведы купили нашу единственную табачную фабрику, а потом ее закрыли. Но такие примеры единичны.

Евгений Ясин:

С людьми, которые приобретают собственность в ходе приватизации, заключаются обычно контракты, предполагающие определенные инвестиционные и другие обязательства владельцев. Как выполнялись эти контракты?

Матти Маасикас:

Контракты, в которых оговаривались определенные условия (инвестиции в модернизацию, сохранение на какое-то время производства, рабочих мест и т. д.), как правило, соблюдались. Новые собственники ориентировались на то, чтобы сделать приобретенные предприятия эффективными и конкурентоспособными на внутреннем и мировом рынке. Это не всегда получалось сразу, были трудности, но к свертыванию производства они не вели.

Вот, скажем, знаменитая Кренгольмская мануфактура в Нарве – предприятие со 150-летней историей, ставшее перед Первой мировой войной одним из самых крупных в мире текстильных производств. После распада Советского Союза российский рынок закрылся, а для обретения конкурентоспособности на мировом рынке требовались серьезные перемены. Мануфактура была приватизирована шведской фирмой Boras Waferi, и ее продукция продается теперь не только в Эстонии, но и в Европе. Однако трудности сохраняются и сегодня. Согласно опубликованному финансовому отчету предприятия, его убытки в 2006 году составили 73 миллиона крон (свыше 4,5 миллиона евро). Тем не менее руководство «Кренгольма» верит, что, несмотря на ценовой прессинг дальневосточных производителей, предприятие сохранится.

Александр Аузан:

Радикальные реформы в экономике не бывают без социальных издержек. Какова была социальная цена эстонских реформ? Как к ним относилось население, различные его группы?

Матти Маасикас:

Без всеобщей поддержки народа подобные реформы были бы немыслимы. И такая поддержка была. У эстонцев во времена восстановления независимости в ходу была фраза: «За свободу мы готовы есть даже картофельные очистки».

Разумеется, социальные издержки имели место. Я уже говорил, что первые два года после начала реформ эстонская экономика переживала спад. Это не могло не сопровождаться высокой инфляцией, уменьшением занятости и другими негативными последствиями. Если говорить о падении занятости, то оно было более значительным на тех предприятиях, которые сразу стали ориентироваться на западные рынки. На тех, которые ориентировались на другие рынки, падение занятости было незначительным, но оно все же имело место.

Однако большинство людей верило в то, что трудности эти временные. По данным социологических опросов, в течение всех 1990-х годов треть населения страны считала, что до реформ жить было легче. Но это не значит, что люди хотели вернуться в прошлое. Не хотели.

А сейчас большинства тех проблем давно уже не существует. Эстонская экономика динамично развивается, что существенно сказывается на уровне жизни населения.

С 2000 по 2006 год средняя зарплата возросла у нас почти вдвое, с 4907 до 9407 крон, т. е. примерно с 300 до 600 евро. Средние размеры пенсии по сравнению с 1993 годом возросли в 10 раз и составляют 3027 крон (около 200 евро), а к 2011 году нынешнее правительство планирует их рост еще вдвое. Безработица в стране – 4%. Инфляция, в начале 1990-х весьма значительная, в 2003 году составляла уже всего 1,3%, что было ниже, чем в среднем по Европейскому союзу.

Правда, в последние годы цены росли быстрее – в 2006 году инфляция достигла 4%. Это связано как с ростом мировых цен на нефть и металлы, так и с тем, что после вступления в Европейский союз некоторые импортируемые товары, ввозимые из стран, в ЕС не входящих, подорожали из-за введения таможенных пошлин. Раньше таких пошлин в Эстонии не было. Кроме того, были подняты акцизы.

Конечно, не все группы населения одинаково выиграли в результате реформ. Наибольший успех сопутствовал тем структурам (и, соответственно, работающим в них людям), которые создавались заново и не были связаны с советским наследием. К ним относится, например, весь банковский сектор. Эти структуры создавались в основном молодыми людьми. В целом же можно сказать, что именно молодое поколение сумело лучше всего воспользоваться новыми открывшимися возможностями для профессиональной карьеры.

Александр Аузан:

Вы сказали о группах, которые выиграли от реформ. А кто проиграл? У нас в России масса политических проблем произросла именно из того, что очень многие люди считают себя в ходе реформ ущемленными. Отсюда, кстати, и столь негативное отношение в народе к слову «либерал». Поэтому и хотелось бы знать, как обстоит дело в Эстонии. Можете ли вы хотя бы приблизительно назвать процент тех, кто от реформ пусть и не проиграл, но ничего и не выиграл?

Матти Маасикас:

При шестипроцентном среднегодовом экономическом росте в течение 16 лет кто может считать себя неудачником? Я уже приводил данные об увеличении зарплат, пенсий и другие экономические показатели. Одни (прежде всего молодежь) выиграли больше, другие – меньше. Но выиграли все.

Александр Аузан:

Вы привели общие показатели. У нас тоже есть отличные показатели экономического роста. Ключевой вопрос – дифференциация, соотношение между доходами различных групп населения. 600 евро как средняя зарплата – это все равно что средняя температура по больнице.

Евгений Ясин:

Речь идет о коэффициенте Джини – показателе, который характеризует соотношение между доходами богатых и бедных. Каков он в Эстонии? Интересно и то, как выглядят различия между северо-восточной Эстонией и центральными районами. Ведь именно на северо-востоке, где преобладает русское население, наблюдался наибольший экономический спад.

Матти Маасикас:

По данным ООН, в 2005 году коэффициент Джини составлял в Эстонии 35,8. Это считается нормальным показателем дифференциации доходов, при которой и экономическая активность людей стимулируется, и социальной напряженности не возникает.

Евгений Ясин:

В России этот показатель намного выше – 44, что свидетельствует о более значительном социальном расслоении...

Матти Маасикас:

Что касается различий между районами, то они действительно существуют. По данным за 2005 год, самый высокий показатель заработной платы – в Таллине (10 997 крон) и в Харьюском уезде (10 837), самый низкий – в Ида-Вирумаа, на северо-востоке страны (6842) и в южной Эстонии, в Валгмаа (6908). Разрыв примерно в полтора раза.

Более низкие показатели в отдельных регионах в значительной степени обусловлены советским наследством. Мы не могли сохранить многие крупные промышленные предприятия, которые были построены для обеспечения потребностей Советского Союза и работали на сырье, поставлявшемся из России. Отсюда и специфические проблемы той же северо-восточной Эстонии, для жителей которой, в большинстве своем не эстонцев, перемены 1990-х действительно оказались более болезненными, чем для населения других районов страны.

Решение этих проблем – инвестиции в экономику менее развитых регионов. И в данном отношении у нас хорошие перспективы. Иностранные инвесторы смотрят на северо-восток Эстонии как на регион с наибольшим потенциалом.

Игорь Клямкин (вице-президент Фонда «Либеральная миссия»):

То, что вы сказали, подводит нас к теме структурных реформ в эстонской экономике. В каком направлении они осуществлялись и насколько были глубокими?

Матти Маасикас:

Структурные изменения были очень существенными. Продукция советских предприятий оборонной промышленности и многих других после обретения государственной независимости и перехода к рыночной экономике оказалась никому не нужной. С другой стороны, мы не могли поначалу производить все необходимые нам товары – их приходилось импортировать. Однако со временем ситуация менялась, и потребности страны во все большей степени обеспечивались эстонской промышленностью, темпы роста которой в последние годы опережают рост других секторов экономики. Причем продукция наших предприятий конкурентоспособна не только на внутреннем рынке – более трех четвертей этой продукции идет на экспорт.

Если же говорить о структурных реформах 1990-х годов, то их общая направленность проявлялась прежде всего в опережающем развитии сектора услуг (банковских, финансовых и других), которого в советской экономике практически не было. Быстро развивались также рынок недвижимости, оптовая и розничная торговля. Сегодня более 67% ВВП Эстонии приходится именно на сферу услуг, значительная часть которых ориентирована на экспорт. Прежде всего это услуги, связанные с транспортом и транзитом, а также с туризмом.

Эстония принадлежит к динамичному региону Балтийского моря, что обеспечивает ей хорошие возможности для развития. Вместе с тем эстонцы не согласны с утверждением, что Эстонии следует превращаться в страну большого транзита, в своего рода транзитный коридор. Свои перспективы мы видим в первую очередь в дальнейших структурных реформах, в развитии секторов экономики, производящих высокотехнологичную продукцию с более высокой добавленной стоимостью.

Для этого за прошедшие полтора десятилетия создана неплохая основа. Уже сегодня наш сектор телекоммуникаций является, в сравнении со странами Центральной и Восточной Европы, одним из наиболее развитых. Это привлекает предпринимателей. Созданы и другие условия для бизнеса, которые в совокупности сделали Эстонию самой конкурентоспособной страной среди новых членов Евросоюза. Это сегодня общепризнанный в деловом мире факт. В соответствии с индексом конкурентоспособности (Current Competitiveness Index), разработанным Всемирным экономическим форумом на 2005—2006 годы, Эстонии отводилось 20-е место среди 104 стран мира.

Александр Аузан:

К вопросу о значении транзита в эстонской экономике. Какова роль в ней Таллиннского порта?

Матти Маасикас:

Доля Таллиннского порта в транзите существенна. Однако конкретную информацию по этому вопросу привести трудно. Наш Департамент статистики дает обобщенные сведения по перевозкам, складскому хозяйству и связи, доля которых в 2006 году составила 10,6% ВВП, причем за последние пять-шесть лет она снизилась почти в полтора раза. Подчеркну также, что речь в данном случае идет не только о российском, а о мировом транзите, включая европейский и китайский.

Игорь Яковенко (генеральный секретарь Союза журналистов России): У меня еще один вопрос о цене реформ. Вы сказали, что примерно треть населения почувствовала себя если и не ущемленной, то испытала определенные трудности, определенный дискомфорт. Эта цифра ассоциируется у меня с национальной структурой эстонского общества, в котором как раз около трети населения составляют не эстонцы. Хотелось бы знать: это совпадение арифметическое или социологическое? Можно ли говорить, что в этой трети тех, кто испытал повышенный дискомфорт, преобладали не эстонцы?

Матти Маасикас:

Это просто арифметическое совпадение. У меня есть данные социологических опросов. В 1993 году, например, самой острой проблемой называли инфляцию и падение уровня жизни 43% эстонцев и 50% не эстонцев. Не было существенной разницы в их восприятии перемен и в последующие годы.

Александр Аузан:

Люди уезжали из страны? Если да, то куда, в какие другие страны?

Матти Маасикас:

В советское время на нашей территории проживало много людей, которые так и не укоренились в Эстонии. Например, советские военнослужащие и их семьи. Естественно, что после распада СССР они из Эстонии уехали. Этим объясняется уменьшение у нас доли русских (с 30 до 26%), а также представителей некоторых других национальностей. А среди тех, кто родился и вырос в Эстонии, массовой эмиграции не было и нет. Ни в Западную Европу, ни в Европу Восточную, ни в Россию.

Если я не ошибаюсь, за 16 лет страну покинули около 30 тысяч человек. Однако и это чаще всего не экономическая эмиграция. Я работал послом в Финляндии и знаю, что там постоянно проживает около 20 тысяч эстонцев. Но более половины из них оказались в Финляндии в результате смешанных браков.

Игорь Яковенко:

Я хочу перевести разговор в несколько иную плоскость. Опыт постсоветской России обозначил проблему, которую можно назвать проблемой субъекта модернизации.

Таким субъектом могут выступать определенные группы людей, в которых существует доверие друг к другу. В первую очередь я имею в виду сферу бизнеса. В России очаги доверия возникали в общностях, сформировавшихся в советские времена. Например, в партийно-хозяйственной номенклатуре. Или в номенклатуре комсомольской, если вспомнить о группе Ходорковского. Или на основе «боевого братства» – служили люди в Афганистане, потом встретились и начали вести совместный бизнес. Можно вспомнить и об этнических общностях. И меня интересует, как и на какой основе возникали очаги доверия в Эстонии, как складывались в ней группы, ставшие субъектами экономической модернизации.

Матти Маасикас:

Проблема доверия в том виде, как вы ее описываете, перед Эстонией не стояла. Эстонское общество было консолидировано на основе ухода от Советского Союза в Европу. Этот разрыв с советским прошлым символизировался самым возрастом новых руководителей страны: нашему премьер-министру было 33 года, министру внутренних дел – 29, министру обороны – 28, министру иностранных дел – 27 лет. Новые руководители пришли к власти в результате свободных выборов, и люди им доверяли. У населения не было сомнений в том, что эти молодые политики хотят возродить Эстонию как страну европейскую.

Игорь Яковенко:

Да, но консолидация общества против кого-то не влечет за собой консолидации отдельных групп, не формирует внутри них атмосферу доверия.

Матти Маасикас:

Я с вами согласен: консолидация «против» сама по себе недостаточна. Но лозунг «Прочь из Советского Союза!» консолидировал нас лишь до того дня, как мы восстановили нашу независимость. А потом на первый план вышла борьба не «против», а «за»: нас, повторю еще раз, объединила положительная идея возвращения в Европу.

На этой основе и возникала атмосфера доверия. Ведь если она формируется лишь в отдельных группах, а сами группы друг другу не доверяют, то это – свидетельство социальной аномалии, свидетельство того, что в обществе нет общих правил, которые все разделяют и которым подчиняются. Правил, которые и являются главным источником доверия не только внутри групп, но и между группами.

Поэтому мы и начинали наше движение в Европу с новой Конституции, с создания прочной и современной правовой базы. Наши новые политики исходили из того, что консолидировать нацию может прежде всего закон и его соблюдение. И в этом они были поддержаны населением. На этой основе формировались потом и те группы, которые вы называете субъектами модернизации. Люди, входящие в них, могли быть знакомы по советским временам, но могли быть и незнакомы. Существенной роли это не играло именно потому, что была создана правовая система, поставившая всех в равное положение и устранявшая прежние источники недоверия.

Марина Кальюранд:

Я кое-что добавлю. В 1991 году мы восстановили свою независимость, свое государство. Но в мире нет такого государства, которое исчезло бы на 50 лет, а потом возрождало себя на основе законов, существовавших полвека назад. Восстанавливая историческую справедливость по отношению к тем, кто был ущемлен в советские десятилетия, мы во всем осталь-

ном двигались не назад, а вперед. Причем двигались под внешним контролем Евросоюза. Мы хотели войти в него сами, нас никто в него не приглашал. Говорят, что нас там ждали. Да, ждали, но лишь после того, как мы достигнем требуемых Евросоюзом стандартов.

Мы должны были соответствовать трем европейским критериям: правовое государство, рыночная экономика, защита прав человека. И когда речь идет о создании атмосферы доверия, то надо помнить и о том, что она создавалась в Эстонии благодаря тому, что необходимые законодательные и другие условия для этого формировались при непосредственном участии Евросоюза, под его доброжелательную диктовку.

Этот контроль мы ощущаем и сегодня. В нашем договоре с Евросоюзом записано, например, что мы должны войти в зону евро. Но в прошлом, 2006 году этого не произошло, потому что процент инфляции у нас несколько превысил допустимый. И нам перейти к евро не позволили. Хорошо ли быть под таким контролем извне, который осуществляется в отношении всех стран – членов ЕС со стороны Еврокомиссии и других организаций Евросоюза? Думаю, что это полезно для всех – и для Европы в целом, и для отдельных стран. В том числе и для Эстонии.

Возможно, что в этом отношении мы находимся в лучшем положении, чем сегодняшняя Россия. Вас ведь никто не подталкивает.

Евгений Ясин:

Да, потому что в России «суверенная демократия». Как бы то ни было, мы с вами уже вышли за пределы социально-экономической проблематики и вошли в политико-правовую сферу. Поэтому мне остается поблагодарить вас за интересную информацию и передать микрофон Игорю Моисеевичу Клямкину, который будет руководить нами при обсуждении второго блока вопросов, непосредственно этой сферы касающихся.

Политическая и правовая система

Игорь Клямкин:

Все, что касается строительства демократическо-правового государства в Эстонии, нас интересует не меньше, чем ваши реформы в экономике. Даже больше. Потому что в России так и не сложились ни демократическая политическая система, ни правовая государственность.

Политическая конкуренция, честные выборы, независимый суд, свободные СМИ, развитое местное самоуправление – все это для нас оказалось недостижимым. Российская политическая реальность описывается словами «суверенная демократия» (суверенная от мировых демократических стандартов и вуалирующая политическую монополию) и «вертикаль власти». Поэтому от эстонских коллег хотелось бы услышать не только о том, как устроена в Эстонии власть и как функционируют различные политические и правовые институты, но и о том, благодаря чему коммунистическая Эстония стала демократической страной. Возможно, такая информация поможет нам лучше осознать свои ошибки и извлечь из них уроки хотя бы на будущее.

Матти Маасикас:

Мы не реформировали советскую политическую систему, а полностью ее демонтировали и выстроили на ее месте новую. Я имею в виду и блокирование для представителей коммунистической номенклатуры путей к получению государственных должностей, и формирование новых институтов. Коммунистическая партия не смогла у нас, как в других странах, осуществить самопреобразование и в 1992 году была распущена.

Эстония выбрала модель парламентской республики. Парламент (Рийгикогу), избираемый раз в четыре года, формирует исполнительную власть по итогам выборов. Президент (он у нас избирается парламентом на пять лет) поручает формирование правительства лидеру

партии, получившей наибольшее количество голосов. Для прохождения в парламент партия должна преодолеть пятипроцентный барьер.

Эта система полностью устраивает и политический класс, и общество, так как обеспечивает свободную конкуренцию политических сил и сменяемость власти. К тому же со временем она совершенствовалась. В первые годы после восстановления государственной независимости в Эстонии существовало несколько десятков партий (при 1,3 миллиона жителей!). Сегодня картина иная. В последних парламентских выборах участвовали 11 партий, в парламент прошли шесть. Наиболее сильные среди них – право– и левоцентристские. Структурирование политического пространства не было следствием каких-то специальных законодательных либо административных мер. Оно происходило естественно и свободно по мере накопления политического опыта жизни при демократии.

Планируя переход от советско-коммунистического государства к государству демократическому, мы с самого начала придавали большое значение организации местного самоуправления. Первый шаг в этом направлении был сделан еще в советское время на следующий день после падения Берлинской стены. Верховный Совет Эстонской ССР первым среди стран так называемого восточного блока принял закон о местном самоуправлении. А ровно через месяц состоялись выборы в местные Советы, которые стали первыми свободными выборами на территории Эстонии после 1940 года. Когда же Эстония, обретя независимость, принимала в 1992 году новую Конституцию, в нее была включена глава об органах самоуправления, которая отвечала принципам Европейской хартии местных самоуправлений, известной нам от финских коллег.

Андрей Липский (заместитель главного редактора «Новой газеты»): И как работает эта система? Существуют ли проблемы во взаимоотношениях между государственными структурами и органами местного самоуправления?

Матти Маасикас:

Местная власть в границах своих полномочий полностью самостоятельна. Она несет ответственность только перед законом и избирателями. Проблемы, конечно, есть, но они разные. В частности, они обусловлены различием возможностей. Одно дело самоуправление Таллина, где живет около трети населения страны и через который проходит более половины ее финансовых потоков, а другое дело – самоуправление небольшой волости (таких у нас много, так сложилось исторически), возможности которой несопоставимо менее значительны. Поэтому людям, там живущим, ситуация может казаться несправедливой.

Тамара Морщакова (судья Конституционного Суда РФ в отставке, зав. кафедрой судебной власти факультета права Высшей школы экономики): Вы говорите о подчинении закону как о чем-то само собой разумеющемся. В России это не так. У нас власть тоже апеллирует к праву, но использует его прежде всего как инструмент, действие которого распространяется на всех, кроме нее самой. Если в Эстонии дело обстоит иначе, то чем вы это объясняете?

Матти Маасикас:

Инструментальное отношение к праву было характерно для советской системы. Мы, повторяю, не реформировали ее, не видоизменяли, а радикально демонтировали, заменив другой. Тем самым был устранен главный источник такого отношения. А под этой системой обнаружились другие, противостоящие ей ценности. Эстонцы верят в закон. Точно так же, как и другие народы, жившие в сфере действия германской правовой традиции.

Эстонцы долго в массе своей были крестьянами со свойственными крестьянам эгалитарными установками. Эти установки они переносят и на отношение к праву, требуя от своей

элиты, от своих политиков и чиновников, чтобы те сами следовали тем законам, подчинения которым ждут от населения. Требуя, говоря иначе, соблюдения принципа равенства перед законом. Даже когда автомобиль политика превышает скорость на дороге, СМИ и общество моментально реагируют...

Игорь Клямкин:

В России сто лет назад свыше 80% населения тоже составляли крестьяне. И им, жившим в передельной общине, тоже были свойственны эгалитарные установки. Однако с инструментальным отношением властей к праву российское население готово мириться.

Матти Маасикас:

Я упоминал еще о германской правовой традиции, как говорил и о том, что мы устранили системные основы, блокировавшие любое влияние общества на власть. В новой системе, где доступ к власти зависит от голосов избирателей, где претенденты на власть должны выдержать испытание конкурентной борьбой, где действует независимый суд, где все руководители находятся под надзором свободных СМИ, инструментально-избирательное отношение к закону невозможно.

Власть, которая не является монопольной и которая после очередных выборов может перестать быть властью, такое отношение позволить себе не может. Не может, потому что у общества появились механизмы контроля над властью, которых раньше не было. Для него возвращение в Европу, демократия, правовое государство – это не просто слова. Это реальные права, позволяющие ему реально влиять на поведение политиков и чиновников.

Андрей Липский:

Я все же не совсем понимаю, что означает сам лозунг возвращения в Европу, каким конкретным смыслом он наполняется. В какую именно Европу возвращается Эстония? Ведь когда она Европу покидала, там уже были тоталитарные и авторитарные режимы, к тому времени уже состоялись Мюнхен и пакт Молотова–Риббентропа, уже шла Вторая мировая война. А потом эстонцы полвека прожили в Советском Союзе. И вот после всего этого – «возвращение в Европу»... Что это означает?

Ведь вступление в НАТО или Евросоюз, которых в 1940 году не было, нельзя считать возвращением. Может ли общество сразу стать европейским в современном понимании? Не сказывается ли инерция архаичного массового сознания, которая, как мне кажется, не может не сказываться в странах, которые не прошли определенных этапов эволюции, необходимой для укоренения демократических европейских ценностей?

Матти Маасикас:

Во-первых, как сказал в свое время наш президент Леннарт Мери, Эстония никогда добровольно не покидала Европу. Это Европа на 50 лет покинула Эстонию. Во-вторых, по историческим меркам период тоталитаризма в европейских странах был недолгим. В том числе и потому, быть может, что возник не благодаря, а вопреки европейским ценностям. И эстонцы вполне оправданно говорят, что возвращаются к ним, потому что никакими другими они вытеснены не были.

К ценностям демократии, рыночной экономики, соблюдения прав человека современное эстонское общество оказалось восприимчивым. Его сознание отнюдь не архаично, никакого отторжения этих ценностей мы не наблюдали и не наблюдаем. Я сам из Таллинна, где жили пять поколений моих предков. И когда я гуляю по улицам Любека, Бремена или других городов северной Германии, в историческом смысле я себя чувствую дома. Я ощущаю свою при-

частность к обществу, которое с XII века развивало нашу Эстонию, которое в течение семи столетий оказывало на нее влияние.

Яна Ванамельдер (сотрудник управления планирования политики МИДа Эстонии): Конечно, люди поначалу не очень отчетливо представляли себе, как устроена жизнь в странах Европейского союза и что такое современные европейские ценности, которые по сравнению с довоенной Европой изменились. И в этой ситуации свою роль сыграли политики, которые объясняли населению смысл европейских ценностей. А многие люди сами ездили в страны Евросоюза и могли увидеть, как эти ценности сказываются на повседневной жизни. И они не воспринимались как чужеродные, они действительно не вызывали отторжения, а вызывали стремление им соответствовать. Наши люди их приняли, о чем можно судить по их отношению к Евросоюзу: его, по данным опросов, ценят за демократичность и обеспечиваемые им стабильность и безопасность.

Игорь Клямкин:

Чтобы политики сыграли роль проводников европейских ценностей, такие политики должны были наличествовать. В России их дефицит оказался существенным препятствием на пути демократического развития. Я понимаю, что у вас, в отличие от России, вся прежняя элита была отстранена от власти. Но откуда пришла новая элита, готовая управлять страной? И не просто управлять, а в соответствии с совершенно новыми принципами?

Кадри Лиик (руководитель Международного центра изучения безопасности): Мне довелось в течение шести лет работать журналистом в России. Наблюдая за тем, как происходили здесь постсоветские реформы, я много размышляла именно об элитах. И поняла, что едва ли не решающую роль в определении стратегического вектора развития страны играют люди, которые эти реформы начинают. Думаю, что элиты, готовой и способной строить демократию, в России не оказалось. Эстонии в данном отношении повезло больше.

Вы спрашиваете, откуда взялась у нас новая элита с европейскими ценностями. Она образовалась на неформальной основе – прежде всего в университетах, в студенческих обществах. И были неформальные связи среди эстонской интеллигенции. Из этой среды и выделились первые постсоветские политики.

Власть для них не была самоцелью. Как здесь уже говорилось, они хотели сделать Эстонию современным европейским государством. Они отдавали себе отчет в том, что это означает, а если чего-то не знали, то быстро и целенаправленно осваивали. И они доверяли друг другу.

В Эстонии сильны корпоративные традиции. Корпоративные сети выпускников и студентов университетов стали той средой, благодаря которой возникли первые команды реформаторов. И, что тоже существенно, эти корпорации были открытыми, что обеспечивало приток способных людей, руководствовавшихся теми же ценностями.

Российские коллеги интересовались тем, как возникает доверие в бизнесе. Но оно производно от ценностей и целей политиков на начальном этапе реформ, доверия между ними и доверия к ним населения. Именно от этого зависит дальнейший маршрут преобразований.

Конечно, со временем в политике появляются и люди иного типа, отнюдь не предрасположенные к идеализму. Но после того как демократия и правовое государство утвердились, это уже принципиального значения не имеет. Если демократический маршрут задан с самого начала, если общество успело осознать себя субъектом политики, а элиты – свою от него зависимость, то попятное движение оказывается заблокированным. Система правил изменилась, и она диктует всем определенную линию поведения.

Игорь Клямкин:

Новые политики заменили старых и изменили государственную систему. Это понятно. Но ведь нельзя сразу заменить весь государственный аппарат, всех управленцев, правоохранительную и судебную систему. Вы заменили всех старых судей новыми?

Марина Кальюранд:

Нет, конечно. Это и в самом деле было невозможно. Судей переучивали. В Советском Союзе никто не руководствовался принципами международного права, соблюдение которых Эстония провозгласила для себя обязательным. Наши судьи имели о международном праве чисто теоретические представления. Всему этому и многому другому судей нужно было учить. Такое обучение продолжается и сегодня на различного рода курсах.

Конечно, сейчас уже входит в жизнь новое поколение юристов. Но старых судей мы не меняем и сегодня, так как судьи у нас избираются пожизненно; это – одно из важнейших условий их независимости. И мы продолжаем с ними работать – с тем, чтобы обеспечивать их соответствие современным нормам и требованиям.

Международное право ведь тоже не остается неизменным, и наши судьи должны быть в курсе того, как и в каком направлении оно развивается. Мы не заинтересованы в том, чтобы после прохождения трех существующих у нас судебных инстанций люди обращались в Страсбург. В год от нас туда поступает 40—50 жалоб. Четыре-пять из них мы проигрываем. И мы заранее знаем, когда проиграем. Мы знаем, что не все наши тюрьмы соответствуют требованиям Евросоюза, что вынесение судебных решений порой чрезмерно затягивается.

Мы, конечно, ищем возможность решить вопрос до обращения человека в Страсбург посредством пересмотра судебного решения. Но бывает и так, что это не получается, к чему мы тоже относимся спокойно. Более того, проигрыши в Страсбургском суде понуждают нас более целенаправленно исправлять положение дел. В том числе и посредством работы с судьями, повышения их квалификации.

Игорь Клямкин:

А как насчет коррупции? Я имею в виду не суды, а коррупцию вообще.

Матти Маасикас:

Мы очень завидуем нашим финским соседям, у которых, согласно международным рейтингам, уже многие годы коррупция наименьшая. Эстония сейчас по этому показателю, согласно списку Transparency International, на 28-м месте. Нам хотелось бы быть в первой десятке, и мы к этому стремимся. Задача выполняемая, потому что эстонская коррупция не является системной. Но и сейчас у нас не самый худший в Евросоюзе показатель.

Марина Кальюранд:

Эстонию в этом списке «обогнали» 13 стран – членов ЕС, в которых уровень коррупции выше, чем у нас.

Кадри Лиик:

При той свободе и той независимости СМИ, которые существуют в Эстонии, наши элиты и чиновники оказываются под постоянным общественным контролем. Пресса следит за ними очень внимательно. Порой это даже выглядит контрпродуктивно. Я знаю нескольких министров, которые опасаются покупать новые машины, хотя старые уже поизносились, и их эксплуатация обходится слишком дорого. Министры опасаются массмедиа.

Я, правда, не уверена в том, что наши журналисты всегда готовы тратить время на то, чтобы копаться в каких-то крупных сделках. Да, такие расследования тоже имеют место, но

мне кажется, что их недостаточно для того, чтобы при всех таких сделках чиновники боялись журналистов.

Игорь Яковенко:

Раз уж речь зашла о СМИ, то я хочу кое-что для себя прояснить. Известно, что Эстония по оценкам ряда исследовательских организаций и правозащитников на протяжении нескольких лет входит в число стран с наибольшей свободой слова. Но мне непонятно, почему вы выбрали модель публично-правового телерадиовещания, как оно у вас называется. При такой модели очень велика степень контроля над СМИ со стороны парламента: ведь большинство членов совета по телерадиовещанию – члены парламента.

Получается, что у вас общественное вещание с очень большим государственным участием. Почему вы, начиная преобразования во всех сферах с чистого листа, выбрали именно такую модель, а не такую, например, как в Германии или Великобритании, где степень государственного участия намного меньше?

Матти Маасикас:

Начну с того, что в Эстонии нет специального закона, регулирующего деятельность СМИ. Пресса действует на основании этического кодекса журналистики, разработанного Ассоциацией Союза журналистов Эстонии. Что касается модели вещания, то я не думаю, что присутствие парламентариев как-то ограничивает свободу СМИ.

По оценке Freedom House, Эстония занимает по степени свободы прессы 16-е место в мире вместе с упоминавшейся вами Германией, а также США и Ирландией. Так что существующая модель ничего и никого не ограничивает. Среди непосредственных руководителей эстонского телевидения и радио нет ни одного политика. Тот совет по телерадиовещанию, о котором вы упомянули (в нем представлено по одному человеку от каждой партии), является не контролирующей инстанцией, а своего рода парламентской лобби-группой телевидения и радио. На их программы он никак не влияет и влиять не может.

Игорь Яковенко:

Но совет ведь вправе увольнять и нанимать на работу руководителей радио и телевидения. И тем самым оказывать влияние – если не прямо, то опосредованно.

Кадри Лиик:

Никаких проблем, а тем более конфликтов здесь не возникает. Руководителей подбирают по профессиональному принципу. Претензий со стороны журналистов я не слышала. Изначально выбрали такую модель и не трогают ее, потому что она никому не мешает.

Проблемы же в нашей журналистике существуют, но они другие. В конце 1980-х годов она, как и в России, была мотором реформ. А в 1990-е таким мотором стало уже эстонское правительство. Как после этого развивалась журналистика? Думаю, что со временем ее качество стало страдать от рыночной экономики. И сейчас страдает.

Учитывая, что рынок прессы у нас небольшой, владельцы изданий думали не об их качестве, а исключительно о том, чтобы они продавались. Собственники не осуществляли политической цензуры, но от них исходила, если можно так выразиться, цензура желтенькая. И от этого наша журналистика не избавилась до сих пор. Но уже подрастает новое поколение читателей, которым «чтиво» не интересно, им интересны серьезные проблемы экономики, внутренней и внешней политики, проблемы культуры. А им по-прежнему предлагают прессу «для всех». И они ее читать не будут, а будут читать прессу на английском языке. Но собственники изданий этого не понимают.

Кстати, эстонское общественное телевидение изначально этой опасности сумело избежать, потому что у телевизионщиков не было такого отторжения качественной журналистики. Они ориентировались именно на качество, понимая, что это их шанс и шанс для всего общества. А качественной прессы, повторяю, у нас как не было, так и нет.

Матти Маасикас:

В таком маленьком обществе, как эстонское, и при небольшом рынке не всегда можно быть уверенным в том, что в условиях рыночной экономики появится высококачественная пресса.

Игорь Яковенко:

Насчет небольшого рынка мне не очень понятно. В Эстонии объем рекламы на душу населения в два раза больше, чем в России. У вас объем рынка прессы в 2005 году был 60 долларов на человека, а у нас – 35. Эстонский рынок – это нормальный, хороший рынок, и он вполне способен ваши СМИ прокормить.

Матти Маасикас:

Согласен и с вами, но все-таки для издания качественной газеты нужны собственные корреспонденты и в Брюсселе, и в Вашингтоне, и в Москве. Это требует расходов, размер которых примерно одинаков и для эстонской газеты, и для английской, и для российской. Однако эстонский рынок не всегда может обеспечить необходимые для этого доходы.

Кадри Лиик:

И все же дело и в установках собственников, их психологической инерции. Они не осознали, что качественная журналистика сегодня уже может быть высокоприбыльной.

Игорь Клямкин:

Кажется, мы чересчур углубились в детали. Между тем пока остается без внимания вопрос, который на протяжении последних полутора десятилетий многие российские политики и политические комментаторы всегда выдвигают на первый план, когда речь заходит об Эстонии. Я имею в виду лишение политических прав довольно значительной части населения вашей страны, не являющихся эстонцами по национальности и именуемых у вас «негражданами».

Учитывая слабую осведомленность российской общественности относительно позиции Эстонии по этому вопросу, было бы полезно ее здесь еще раз озвучить. Ну и, конечно, хотелось бы знать, как долго будут сохраняться такого рода ограничения в правах. Говоря иначе, видите ли вы здесь проблему? Если да, то как она решается и каковы перспективы ее решения?

Матти Маасикас:

Термин «не граждане», часто фигурирующий в российских СМИ, в Эстонии официально не используется. Наличие же категории «лиц без гражданства» означает не совсем то, о чем вы говорите.

Дело в том, что гражданства в Эстонии никого не лишали и не лишают. Речь идет о том, что не все жители страны после обретения ею независимости получили эстонское гражданство автоматически. Его получили (причем независимо от этнической принадлежности) только люди, которые жили на территории Эстонии до 1940 года. И, разумеется, их потомки. От всех остальных для получения эстонского гражданства требовалось, во-первых, добровольно заявленное желание его получить, а во-вторых, знание эстонского языка, нашей Конституции и Закона о гражданстве, подтвержденное на специальном экзамене.

Мы не собирались и не собираемся увековечивать положение вещей, при котором существует категория лиц без гражданства. Наоборот, мы весьма заинтересованы в том, чтобы они становились гражданами. Об этом можно судить и по тому, что государство предоставляет возможность бесплатного изучения эстонского языка, и на основании постепенного снижения требований, предъявляемых на экзамене, и по льготам, предоставляемым отдельным группам населения – прежде всего инвалидам и людям преклонного возраста.

В результате мы имеем следующую статистическую картину: если в 1992 году доля лиц без гражданства составляла 32% населения, то к сегодняшнему дню она уменьшилась почти в четыре раза (8,4%). При этом среди молодежи процент таких людей существенно ниже, чем в более старших возрастных группах. В том числе и потому, что от экзамена по эстонскому языку освобождены как те, кто получил на этом языке образование, так и те, кто сдал экзамен по эстонскому языку в школе, где он изучался как иностранный (в Эстонии довольно много русских школ).

Что мешает окончательному решению этой проблемы? Не в последнюю очередь то, что у «не граждан» не всегда наличествует достаточная мотивация для ходатайства о получении гражданства. Такая мотивация усилилась после присоединения Эстонии к Евросоюзу. Но – далеко не у всех, потому что отсутствие права избирать и быть избранным в парламент не лишает людей всех других прав, которые имеют жители Эстонии и ЕС. Естественно, не добавляет мотивации и то, что лица без гражданства не могут и не обязаны служить в эстонских вооруженных силах. Приведу еще одну цифру: согласно опросу «не граждан», проведенному в ноябре 2005 года, 17% среди них не обнаружили заинтересованности в гражданстве какой-либо страны.

Так что можно сказать, что мы имеем дело с проблемой, стоящей перед государством, которая определенным количеством людей не воспринимается как их собственная жизненная проблема. Поэтому ее решение, к которому мы стремимся, займет еще ряд лет.

Мы полагаем, что этому будет способствовать, в частности, перевод русских школ на расширенное обучение на эстонском языке, которое началось с нынешнего года. Теперь один из обязательных предметов преподается на этом языке. К 2012 году таких предметов должно будет быть пять.

Игорь Клямкин:

Вопросов больше нет, и мы можем переходить к следующей теме. Передаю бразды правления Лилии Федоровне Шевцовой.

Внешняя политика

Лилия Шевцова:

Переходим к внешнеполитическим проблемам. Я внимательно посмотрела сайт посольства Эстонии и нашла там достаточно объемную информацию о внешнеполитической повестке дня Таллинна. Выступления эстонских политиков говорят о том, что Эстония имеет хорошо артикулированные интересы не только в Балтийском регионе, но и за его пределами. Нас, естественно, больше всего интересует ваша позиция по общеевропейским проблемам, а также то, как видятся из Таллинна отношения Эстонии и России. Хотелось бы побольше узнать и о настроениях в эстонском обществе, о его восприятии внешнеполитических проблем. Яна Ванамельдер уже коснулась отношения населения к Евросоюзу. Хотелось бы узнать об этом подробнее. А как люди воспринимают и оценивают членство Эстонии в НАТО?

Евгений Ясин:

Перед тем как вы начнете отвечать, я хочу поставить еще один вопрос. С моей точки зрения, трудности во взаимоотношениях между Россией и Эстонией, как между империей и ее освободившейся частью, закономерны и потому неизбежны. Какое-то время освободившиеся страны всегда негативно реагируют на бывший имперский центр. Это для них естественный способ национально-государственного самоутверждения. Вопрос в том, как на такие вещи реагирует Россия.

В 1991 году Ельцин выступил с лозунгом: «За вашу и нашу свободу!» Это означало, что демократическая Россия снимает с себя ответственность за то, что делала советская империя, и отказывается от преемственной политической связи с ней. Но потом позиция Москвы стала меняться. Очень хотелось бы, чтобы вы не оставили этот вопрос без внимания.

Лилия Шевцова:

Да, это важно. Но давайте все же начнем с НАТО. Как относится к этому блоку и вступлению в него Эстонии эстонское общество?

Яна Ванамельдер:

Эстония присоединилась к НАТО в марте 2004 года. По данным опросов, среди факторов, обеспечивающих безопасность страны, именно принадлежность к НАТО люди называют чаще всего. Так считают 68% опрошенных. При этом 53% населения полагают, что безопасность Эстонии выросла после ее присоединения к НАТО, 34% думают, что в данном отношении ничего не изменилось, а по оценке 3% опрошенных безопасность уменьшилась.

Поддержка членства Эстонии в НАТО по годам стабильно растет. В 2001 году его поддерживали около 48% населения, а в июле 2007 года – 71%, причем 36% опрошенных поддерживали безоговорочно. Противников присоединения к НАТО в Эстонии сегодня всего 17%.

Лилия Шевцова:

А каково отношение к членству в Европейском союзе?

Яна Ванамельдер:

В мае 2007 года были опубликованы результаты социологического опроса, согласно которому членство в ЕС поддерживают 85% жителей Эстонии выборного возраста.

Игорь Яковенко:

Но 15% все же не поддерживают. Кто они по национальному составу?

Яна Ванамельдер:

Позитивное и негативное отношение к ЕС если и зависит от национальной принадлежности, то очень незначительно. Членство в нем поддерживают 87% эстонцев и 78% не эстонцев.

Лилия Шевцова:

Какие задачи ставит перед собой Эстония в рамках Евросоюза? Что для вас в данном отношении является приоритетным?

Матти Маасикас:

Прежде всего, нам предстоит завершить свою интеграцию в ЕС. Я имею в виду присоединение к единому Шенгенскому визовому пространству. Согласно текущим планам, это должно произойти на сухопутных и морских границах с 1 января 2008 года, а в аэропортах – не позднее марта 2008 года. Кроме того, Эстония готовится к переходу на евро.

Эстония поддерживает расширение ЕС, полагая, что оно способствует миру и стабильности в Европе, а также увеличению ее влияния в мире. Мы выступаем за дальнейшее расширение Европейского союза и поддерживаем государства, желающие интегрироваться в Европу, в их устремлениях. ЕС должен остаться верным своим ранее вынесенным решениям относительно расширения и перспективы вступления в ЕС, обещанной странам западных Балкан.

Мы желаем осуществления всех четырех основных свобод ЕС и отмены всех барьеров внутри Евросоюза. Известно, что «старые» члены ЕС не открыли для новых членов свои рынки рабочей силы сразу, т. е. с мая 2004 года. На сегодняшний день ограничения для граждан Эстонии работать имеются еще в некоторых странах – членах ЕС. Свободное передвижение рабочей силы – одна из четырех основных свобод Евросоюза, и Эстония находит, что в данном отношении следует стремиться к равенству всех входящих в Евросоюз государств.

Наша страна прилагает активные усилия для принятия Договора о реформе ЕС до очередных выборов в Европейский парламент, которые состоятся в 2009 году. Для Эстонии важно, чтобы новый Договор содержал необходимые для жизнедеятельности Евросоюза институциональные изменения и соответствовал стоящим перед ним вызовам.

Один из них – энергетический. Запасы энергетического сырья ЕС ограничены, быстро растет его зависимость от импорта. В 2007 году производство нефти самих стран-членов составляет лишь 18%, газа – 37%, а каменного угля – 54% от всего потребления Союза. Согласно прогнозам, зависимость ЕС от ввозимой энергии, составляющая сейчас около 40%, к 2030 году возрастет примерно до двух третей. Поэтому мы считаем, что важно сосредоточиться на обеспечении бесперебойного снабжения.

Эстония с самого начала поддерживала разработку единой политики Евросоюза в области энергетики. Мы уверены, что более тесное, чем сейчас, сотрудничество стран – членов ЕС в этой области помогло бы лучше решать стоящие перед Европой энергетические проблемы. Новые вызовы требуют новых подходов.

Обеспечение энергетической безопасности предполагает более тесное и действенное сотрудничество ЕС и США. Развитие такого сотрудничества важно и в других вопросах, так как позволит лучше обеспечивать стабильность как в отношениях ЕС с его соседями, так и во всем мире. Мы придаем большое значение взаимной договоренности о безвизовом режиме между ЕС и США. Эстония – один из инициаторов более тесного сотрудничества между ЕС и НАТО. Наша страна выступает за расширение форм такого сотрудничества и их развитие.

Лилия Шевцова:

Вы пока ничего не сказали о взаимоотношениях ЕС и России, которые в последнее время складываются непросто. Какова здесь позиция Эстонии?

Матти Маасикас:

Начну с того, что Эстония считает важным укрепление добрососедских отношений со всеми соседними с ЕС странами и проведение политики, позволяющей воздействовать на политические и экономические реформы в этих странах (как на востоке, так и на юге, в Средиземноморье). Мы поддерживаем реформы в Молдове, Грузии и Украине. Приоритетными областями политики добрососедских отношений являются для Эстонии сотрудничество в области экономики и торговли, в области энергетики, визовые вопросы и решение «замороженных конфликтов». Одно из наших последних начинаний связано с «визовым диалогом» с Грузией. Эти принципы добрососедства во взаимоотношениях со странами, не входящими в ЕС, мы отстаиваем и в Европейском союзе. Эти принципы определяют и нашу позицию внутри ЕС в отношении России.

Эстония участвует в стратегическом партнерстве ЕС – Россия, и мы уверены, что в основе этого процесса должны быть не только интересы, но и общие европейские ценности.

Мы считаем, что политика Евросоюза по отношению к России должна быть единой и солидарной. В дополнение к экономическому сотрудничеству необходимо обратить внимание на развитие России как правового государства, а также на развитие в ней демократии и соблюдение прав человека. Эстонию интересуют все области сотрудничества ЕС – Россия, и мы участвуем в формировании точек зрения Евросоюза по всем относящимся к данной области вопросам.

Эстония поддерживает заключение нового рамочного соглашения между ЕС и Россией, которое заменило бы действующее соглашение. ЕС и Россия нуждаются в юридической основе для своих отношений. Для их развития Эстония считает важным вступление России в ВТО и поддерживает его. Большое значение придаем сотрудничеству в области энергетики, а также в сфере культуры и образования, включая обмен учеными и студентами.

Для установления и упрочения полезных контактов между людьми важными являются договоры между ЕС и Россией об упрощении визового режима и реадмиссии, которые вступили в силу в июле 2007 года¹. Мы обращаем внимание на положение общих соседей ЕС и России, в том числе на решение замороженных конфликтов. Считаем важным выполнение обязанностей Совета Европы со стороны России – в частности, относительно возвращения культурных ценностей.

Лилия Шевцова:

А теперь – о российско-эстонских отношениях. Как они выглядят в ваших глазах? Не будем вежливо сглаживать углы. Давайте поразмышляем о проблемах, которые осложняют эти отношения.

Матти Маасикас:

Несмотря ни на что, я считаю, что эстонско-российские отношения являются стабильными. Эстония открыта для сотрудничества с Россией и желает развивать диалог на основе взаимных интересов. Россия становится все более важным торговым партнером ЕС, и, как я уже говорил, она должна, по нашему мнению, как можно скорее стать членом ВТО. Присоединение России к ВТО создало бы и более устойчивую правовую базу для товарообмена между Эстонией и Россией.

По итогам за первое полугодие 2007 года этот товарообмен выглядит следующим образом: товарооборот в целом – 11,4% (второе место), экспорт – 8,4% (четвертое место), импорт – 13,6% (второе место). Что касается инвестиций, то 80% иностранных вложений в эстонскую экономику приходят из Финляндии и Швеции, между тем как на Россию приходится лишь два процента.

Говоря о российском транзите, хочу отметить, что его значение для эстонской экономики переоценивается. В 2007 году весенние скрытые экономические санкции со стороны России привели к некоторым косвенным ограничениям и препятствиям в осуществлении нормального товарообмена и транзита товаров. Но их влияние не было столь существенным, как это нередко представлялось в прессе.

Среди предпринимателей, участвовавших в недавнем опросе, умеренное или сильное влияние апрельских событий и их последствий на свой бизнес отметили всего 20%. Примерно половина опрошенных вообще не почувствовала никакого влияния, а одна треть сочла его незначительным. Больше всего косвенные санкции повлияли непосредственно на сектор транзита, но на общем состоянии нашей экономики и нашего бизнеса они сказались незначительно, о чем и свидетельствуют приведенные данные. Правда, эстонские предприниматели, работающие в Российской Федерации, пострадали больше – в зависимости от местных настроений в

¹ Рeadмиссия – согласие государства на прием обратно своих граждан либо иностранцев, которые находились на его территории. – *Ред.*

их отношении применялись и применяются различные ограничения, создавались и создаются препятствия.

Что касается двухсторонних межгосударственных отношений, то эстонская дипломатия старается их оживить. В практических же вопросах мы хотели бы продвинуться с договорами, от которых была бы непосредственная польза жителям обеих стран.

В октябре 2007 года состоялся обмен ратификационными грамотами, необходимый для вступления в силу межправительственного соглашения о сотрудничестве в области пенсионного страхования и протокола об его изменении. Правительство Эстонии одобрило проекты соглашений о МПК (межправительственной комиссии) и об экономическом сотрудничестве. Сейчас идет активная работа над проектами примерно 20 договоров. Среди них – договор о сотрудничестве в борьбе с нефтяным загрязнением в Балтийском море, соглашение о сотрудничестве в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и целый ряд других.

Лилия Шевцова:

Иными словами, есть конкретные практические вопросы, в решении которых обе стороны заинтересованы, и они решаются независимо от того, что происходит на политической поверхности. Так?

Матти Маасикас:

Именно так. Тесное взаимодействие с российскими партнерами осуществляется также в рамках программы эстонско-латвийско-российского трансграничного сотрудничества. Активно работает Центр трансграничного сотрудничества Чудского озера, чьи проекты, охватывающие приграничные территории, включены в Программу развития ООН. Они поддерживаются Европейским союзом, Советом министров Северных стран, США, Данией, Швецией и другими государствами. Не могу не упомянуть и о тесных контактах Эстонии с ближайшими к ней российскими регионами – Санкт-Петербургом, Псковской, Ленинградской и Новгородской областями.

Наконец, важное место в эстонско-российских отношениях занимают контакты в сфере культуры. Идет обмен музыкальными фестивалями, художественными выставками, театральными постановками, концертами классической и современной музыки. Никакого спада в этой области не наблюдается. Наоборот, культурные связи укрепляются и становятся все многообразнее. Не идут на спад и человеческие контакты между обычными людьми, всегда характерные для жителей соседних стран.

Конечно, есть и проблемы, о некоторых из которых я уже упоминал. Улучшения требует ситуация с переездом через эстонско-российскую границу. Очереди грузовых автомобилей, направляющихся из Эстонии в Россию, на переезде через границу неоправданно длинные. Например, в начале сентября 2007 года предполагаемое время ожидания на эстонско-российской границе в Нарве составило 180 часов. Важным является также более тесное сотрудничество на региональном и трансграничном уровне. Прежде всего я имею в виду проблемы окружающей среды в регионе Балтийского моря (защита и обмен информацией), ядерной безопасности (атомная электростанция в городе Сосновый бор) и вопросы транспорта энергоносителей и транспортной инфраструктуры.

Мы – соседи, и мы очень заинтересованы в хороших отношениях, так как нам от этих хороших отношений только лучше. Мы хотим вести бизнес в России и хотим, чтобы россияне вели бизнес в Эстонии. Мы хотим, чтобы наши автомобильные и железные дороги, наши мосты пропускали больше машин, больше людей. Мы хотим, чтобы сохранялся позитивный тренд русского туризма в Эстонии, который наметился в последние годы и который растет, несмотря на весеннюю историю с бронзовым солдатом. Мы заинтересованы в том, чтобы эти положительные тенденции углублялись на всех участках нашего сотрудничества.

Естественно, каждое государство заинтересовано и в том, чтобы его соседи были на него похожи, чтобы у них были общие ценности, что существенно облегчает решение любых проблем. Если твой сосед на тебя похож, ты его лучше понимаешь.

Игорь Яковенко:

Вы упомянули об апрельских событиях, связанных с переносом праха советских воинов, и их влиянии на бизнес. Мы знаем и о том, как отнеслись к этим событиям российские политики, российские СМИ и российское население. А как эти события были восприняты в Эстонии? Повлияли ли они на отношение к России? На отношения между эстонцами и русскими в вашей стране?

Яна Ванамельдер:

Реакция на эти события была очень эмоциональной, но на мировосприятии людей и их представлениях об отношениях между двумя странами они почти не сказались. Только 4% эстонцев считали, что эти события затронут отношения между Эстонией и Россией. Среди не эстонцев так думали 15%, что тоже не очень много. Так что в целом реакция была достаточно спокойная.

Не повлияли апрельские события сколько-нибудь существенно и на представления людей о «факторах опасности». Самой реальной опасностью население по-прежнему считает загрязнение окружающей среды. Вторым большим источником опасности в стране считается возможный взрыв поезда, перевозящего нефть через территорию Эстонии. Военное вторжение со стороны какого-либо другого государства (имеются в виду Россия и Китай) считают вероятной опасностью лишь 12% опрошенных. Меньше опасаются только нападения внеземных цивилизаций, атаки НЛО.

Опросы не зафиксировали какого-либо значительного влияния на русское население Эстонии российских политиков и российских СМИ в ходе апрельских событий. Эстонские русские, как выяснилось, вообще не доверяют политикам – ни эстонским, ни российским, ни политикам ЕС и США. Что касается массмедиа, то эстонские русские смотрят российские каналы и получают много информации из России. К эстонским информационным источникам на русском языке они обращаются реже, чем к российским. Но интересно, что при этом эстонским они доверяют больше.

Игорь Яковенко:

Я хочу вернуться к вопросу Евгения Григорьевича Ясина, о котором мы, похоже, забыли. Вопросу о постимперском синдроме в бывших метрополиях и бывших колониях.

Апрельская история с бронзовым солдатом – это постимперский синдром в конкретном проявлении. Есть такая русская пословица (не знаю, насколько она интернациональная): в каждом споре виноват тот, кто умнее. В данном случае вы кем предпочитаете себя ощущать – правыми или неумными?

Разумеется, этот вопрос можно адресовать и российской стороне. Мы понимали, какие внутривнутриполитические проблемы решала в апреле 2007 года официальная Москва, отдавая себе отчет в том, что ума российские политики проявили немного. Но хотелось бы знать и о вашем восприятии всей этой истории после того, как она завершилась.

Андрей Липский:

В продолжение вопросов Евгения Григорьевича и Игоря Александровича хочу еще раз спросить о соотношении архаики и современности в оценке тех или иных событий и явлений. Как вы считаете, некое раздувание мифологии о членах эстонского легиона СС как освободителях от большевизма и сталинизма совместимо с современным европейским дискурсом или

находится за его пределами? Ведь в Европе реакция на эти вещи, мягко говоря, неоднозначная. По крайней мере, в «старых» европейских странах.

Матти Маасикас:

Очень хорошо сказано: в конфликте виноват тот, кто умнее. В Эстонии есть пословица, дополняющая эту: мудрее тот, кто уступает. А финский президент Паасикиви сказал однажды, что основой всякой мудрости является признание фактов.

Евгений Ясин говорил о постколониальном стрессе, который существует и в России, и в Эстонии. Это – факт. Но факт и то, что была советская империя. Эстонцы никогда не соглашались с тем, что Эстонская Республика в 1940 году добровольно вступила в сталинский Советский Союз. Такого факта не было, и с этим должна согласиться и другая сторона.

Это – та основа, которая позволит приступить к взаимному сотрудничеству после переживаемого ныне «историографического» стресса. А пока согласия на сей счет нет, он будет проявляться в самых разных формах. В том числе и тех, о которых здесь упоминалось. Но в Эстонии сегодня нет ничего, что ставило бы под сомнение ее европейский демократический выбор.

Марина Кальюранд:

И никакого «раздувания мифологии о членах эстонского легиона СС» у нас не наблюдается. И «маршей эсэсовцев», о которых так любят рассказывать российские СМИ, нет тоже. Есть собрания бывших воинов: как тех, которые воевали против фашизма, так и тех, кто после 1944 года боролся против сталинского режима за независимость Эстонии. Причем среди вторых нет людей, запятнавших себя преступлениями против человечности. Мы руководствуемся в данном случае критериями Нюрнбергского трибунала.

Такие преступники, участвовавшие в карательных операциях, у нас были, но их привлекли к ответственности еще в советское время. А после восстановления независимости эстонские руководители неоднократно извинялись за те преступления, которые совершались на территории Эстонии в годы войны. За то, что среди эстонцев были коллаборационисты, перешедшие на сторону немцев. За то, что мы не смогли защитить две тысячи уничтоженных евреев...

Возвращаясь же к встречам ветеранов Второй мировой войны, в которых правительство, кстати, не участвует, хочу еще раз подчеркнуть: это – люди, боровшиеся за освобождение Эстонии или от гитлеровского, или от советского режима. Оба их мы воспринимаем как оккупационные, и эта оценка окончательная.

И, наконец, об истории с бронзовым солдатом. Памятник был перенесен с троллейбусной остановки на военное кладбище в центре Таллинна, которое находится в полутора километрах от того места, где монумент стоял раньше. Там же были перезахоронены останки советских воинов, ранее погребенные под этим монументом. Мы пригласили участвовать в перезахоронении представителей других государств, в том числе и России. Но российская сторона от этого отказалась, в церемонии приняли участие только представители Русской православной церкви. Все было сделано не формально, а с соответствующими почестями. После захоронения премьер-министр Эстонии возложил на могилу цветы... Вот и судите, насколько оправданна была поднятая по этому поводу в России пропагандистская шумиха.

Евгений Ясин:

Это – реакция бывшей имперской метрополии на стремление освободившихся стран освободиться и от оставшихся на их территориях имперских символов...

Лилия Шевцова:

Я понимаю, что мы слишком «загрузили» эстонских гостей. Но наши вопросы говорят о том, что нам интересно знать, что происходит в стране, о которой российская пресса либо не пишет ничего, либо потчует нас пропагандой. Мы хотим знать вашу позицию и те аргументы, посредством которых она обосновывается.

У меня еще один вопрос – завершающий. Я адресую его Матти Маасикасу. В одном из своих ответов вы уже сказали, какой хотели бы видеть Россию. А что бы вы конкретно пожелали российской политической элите?

Матти Маасикас:

Во-первых, меньше эмоций.

Во-вторых, больше думать о пользе для России и меньше об ущербе для других.

В-третьих, больше открытости, готовности к дискуссиям по самым сложным двусторонним вопросам. Готовность выслушать и понять другую сторону не означает неременное согласие с ней. Пусть отношение к истории станет отношением к ней именно как к истории.

Мы исходим из того, что Россия – самая большая и сильная страна в регионе. А от великих государств ожидают проявления великодушия и понимания.

Литва

Игорь Клямкин (вице-президент Фонда «Либеральная миссия»):

Мы начинаем нашу вторую встречу в рамках проекта «Путь в Европу». Хочу поблагодарить литовских коллег, которые согласились рассказать нам о том, как Литва готовилась к интеграции в Большую Европу, с какими сталкивалась трудностями, как их преодолевала и какую роль сыграл в этом процессе сам Европейский союз. Мы хотели бы знать о тех успехах, которых вам удалось добиться, и тех проблемах, которые, по вашему мнению, решить не удалось.

Начнем с экономики и социальной сферы. Как происходила в Литве трансформация советской плановой экономики в экономику конкурентно-рыночную? Насколько эта трансформация была болезненной? Как сказалась она на динамике экономического развития и уровне жизни населения?

Я знаю, что вы подготовили по этим вопросам два сообщения. Предлагаю вам их представить. Уверен, что они станут основой для содержательного разговора. Кто выступит первым? Пожалуйста, Ремигиус Шимашюс.

Экономическая и социальная политика

Ремигиус Шимашюс (президент литовского Института свободного рынка):

Начну с того, что интеграция Литвы в Европейский союз была поддержана большинством населения. Это был выбор не только литовской элиты, но и общества. Причем люди поддерживали такой вектор исторического развития, руководствуясь поначалу не столько собственно экономическими соображениями, сколько историко-культурными (возвращение в Европу) и политическими (уход из Советского Союза и трансформация советской системы в демократию западного типа).

Именно такие настроения населения позволили нам сразу после распада СССР резко изменить экономическую политику, осуществив приватизацию государственной собственности и либерализацию экономического режима. Мы быстро приватизировали почти все – от жилья до самых крупных предприятий. Сегодня, кстати, доля частной собственности в литовской экономике даже больше, чем во многих старых европейских странах, особенно в Южной Европе. Мы ввели предельно либеральный режим во внешней торговле. Это была, повторяю, очень быстрая и всеобъемлющая трансформация.

Правда, ее последствия в первые годы были неоднозначными. Дело в том, что в отпущенной на свободу экономике образовался, если можно так выразиться, вакуум экономической регуляции. Центральное планирование исчезло, а западная модель регулирования освоена не была. С одной стороны, это создавало весьма благоприятные шансы для наиболее предприимчивых собственников и менеджеров и позволило возглавлявшимся ими предприятиям добиться быстрых успехов. С другой стороны, имела место определенная хаотизация экономической жизни, которую нам удалось преодолеть только после 1995 года под непосредственным воздействием Евросоюза. Когда вопрос об интеграции в него переместился из исторической и культурной плоскости в плоскость экономическую и правовую, стало ясно, что Литва к ней не готова, что ей многое предстоит изменить. Нам предстояло перейти от отсутствия экономического регулирования к игре по тем правилам, которые существуют в Европейском союзе.

Освоение сложных европейских процедур давалось нам непросто, дополнительные проблемы возникали и в промышленности, и в других сферах экономики. Приходилось меняться и людям: я имею в виду и культуру ведения бизнеса, и отношения на рабочих местах. Но мы понимали и то, что без всего этого интеграция в западный мир невозможна. И нам, с помощью

Евросоюза, удалось обеспечить необходимые для вступления в него экономические и правовые стандарты, что и стало завершением нашей экономической трансформации.

Но экономическая интеграция в Европейский союз означала не только освоение принятых в нем правил и процедур, т. е. принципиально новых для нас способов регулирования. Произошла и переориентация литовской экономики с Востока на Запад. Сегодня Литва экспортирует свою продукцию прежде всего в западные страны. Более того, даже тот экспорт, который идет на Восток, во многих случаях тоже связан с западными странами. Достаточно напомнить, например, о том, что Литва до сих пор остается одной из главных точек переэкспортирования старых автомобилей. Так что есть достаточные основания утверждать, что в целом наша экономика ориентирована на Запад. То небольшое, что еще удерживает нас на восточном направлении, – это энергетические ресурсы.

Когда распадался Советский Союз, многие сомневались в том, что новые государства, чьи экономики были жестко привязаны к единой советской хозяйственной системе, сумеют развиваться самостоятельно. Сомнения оказались беспочвенными. Опыт Литвы (и не только Литвы) показал, что отпадение от СССР могло сопровождаться и сопровождалось интеграцией в другую экономику – европейскую. Литовский экспорт в страны ЕС и импорт из них в Литву возрастает очень большими темпами, почти на 20% в год. Наша страна все более интенсивно вовлекается в интернациональное разделение труда, что можно считать важным показателем успеха литовской трансформации.

Нас, правда, до сих пор упрекают в том, что в ходе реформ произошел развал некоторых крупных предприятий. Но эти предприятия, созданные для работы в командной экономике, просто не могли выжить в условиях экономики конкурентно-рыночной. Развал того, что нежизнеспособно, – не аргумент против трансформации, а лишнее подтверждение ее успешности.

Я имею в виду даже не цифровые показатели экономического развития, не впечатляющие темпы роста ВВП, о чем нам еще предстоит говорить. Я имею в виду саму трансформацию и ее направленность, результатом чего и стали эти цифровые показатели. Они, как и в других прибалтийских странах, стали результатом либеральной экономической политики, проводимой достаточно последовательно и целенаправленно.

Итак, трансформация завершилась, и возникает вопрос: что дальше? А дальше – неизбежные новые изменения. Того, чего мы могли достигнуть посредством либеральных реформ, мы уже почти достигли. Теперь мы сталкиваемся не с проблемами перехода к западной экономической модели, а с проблемами, свойственными самой этой модели.

Мы, как и другие европейские страны, должны думать о том, чтобы наши предприятия были более конкурентоспособными. И тут готовых рецептов уже нет, их приходится искать самим. Причем в ситуации, когда люди привыкли к успехам и не очень-то предрасположены к каким-то новым реформам. У нас уже начинается западная болезнь: мы привыкаем жить хорошо, и мы думаем, что дальнейшие улучшения будут приходить сами собой. Но так не бывает.

Самый главный вызов для Литвы и ее граждан заключается сегодня в том, что им предстоит осознать: чтобы хорошо жить, нужно учиться работать в постоянно меняющихся конкурентных обстоятельствах. У меня пока все.

Игорь Клямкин:

Спасибо, господин Шимашюс. Предоставляю слово второму докладчику, Клаудиюсу Манекасу.

Клаудиюс Манекас (председатель European Social, Legal and Economic Projects):

Мне довелось работать в различных государственных организациях, которые как раз и занимались интеграцией Литвы в Европейский союз. И я хотел бы к уже сказанному кое-что добавить относительно того, что дала Литве интеграция в Европу. Или, говоря точнее, что она позволила предотвратить и чего избежать, в отличие от тех новых постсоветских государств, которые на такую интеграцию не ориентировались.

Я думаю, что самое главное – нам удалось избежать захвата государства теми или иными влиятельными группами, избежать того, что по-английски называется *state capture*. Именно европеизация и непосредственное участие в ней Европейского союза помогли деполитизировать государственные институты (администрацию, прокуратуру, суды) и всю общественную жизнь. Помогли создать то, что именуется правовым государством, *rule of law*. Помогли быстро перейти к экономической политике, основанной на неолиберальном консенсусе, и соответствующим такой политике правилам деловой игры. Но у этой трансформации были и свои издержки – именно потому, что она была очень быстрой.

Дело в том, что при такой скорости европеизации последняя не могла не быть в значительной степени формальной. Это не была имитация западных моделей в том смысле, как это происходило во многих других бывших советских республиках, ставших после распада СССР самостоятельными государствами. То было копирование, которое не оставалось чисто имитационным, а сопровождалось реальными сдвигами: заимствованные западные институты по ходу приспособления к литовским реалиям не деформировались, их европейское качество сохранялось. И тем не менее быстрота европеизации, повторю, во многом предопределила ее формальный характер, что имело некоторые негативные последствия, которые дают о себе знать и сегодня и о которых я еще скажу.

Почему же европеизация происходила в Литве столь быстрыми темпами?

Начну с того, что в первые годы после обретения независимости такое направление развития еще не выглядело очевидным: как потенциальные члены европейского сообщества прибалтийские страны были признаны только в 1994 году. Этому в немалой степени способствовали события в России: парламентские выборы 1993 года и успех на них радикально-националистической партии В. Жириновского подтолкнули европейских политиков к тому, чтобы предоставить прибалтийским странам шанс на интеграцию в Большую Европу.

Переговоры Евросоюза с Литвой завершились в 1995 году подписанием договора о нашем вхождении в Европу и условиях такого вхождения, после чего мы начали готовиться к членству в ЕС. Однако это оказалось непросто, и в 1997 году нас не включили в число стран, имеющих основания претендовать на первоочередное вхождение в Евросоюз. И только после этого в Литве началась реальная европеизация, реальная адаптация к европейским стандартам, причем в резко ускорившемся темпе.

Этот процесс форсированной адаптации продолжался в течение пяти лет, до 2002 года. В данный период и были приняты все важнейшие решения. Пять лет – это, согласитесь, очень немного. И если такой рывок нам удался, то я вижу тому две основные причины.

Первая причина заключается в том, что к середине 1990-х годов в Литве сложился консенсус политических сил относительно безальтернативности ее интеграции в Европу. Тогда мне такой консенсус казался естественным, но теперь, живя и работая на Балканах, где ничего похожего не наблюдается, мне он таковым уже не кажется. В Литве он сложился, потому что на вхождение в Европу постепенно стали ориентироваться широкие слои населения.

Если в начале 2000 года литовское общество было расколото в данном отношении примерно пополам, то вскоре поддержка европеизации достигла 70%. Она возростала, потому что все больше людей начинало испытывать потребность отодвинуться от нестабильной и непредсказуемой России. А также потому, что идея возвращения в Европу, питавшаяся поначалу лишь исторической памятью, наполнялась постепенно и экономическим содержанием. Политикам удалось убедить население в том, что европеизация – самый лучший и надежный путь к

процветанию и благосостоянию, соизмеримому с тем, что имеет место в Германии, Франции и других развитых странах. Так европеизация обрела легитимность.

Второй причиной, которая, наряду с общественно-политическим консенсусом, обусловила быструю интеграцию Литвы в Евросоюз, стало хорошее технологическое обеспечение европеизации. Сама ориентация на нее при поддержке общества позволила централизовать государство, создать сильный правительственный центр.

Можно ли, однако, считать, что выбранная модель трансформации была наилучшей? Однозначного ответа здесь нет. Ориентация на освоение и соблюдение европейских правил и процедур придавала реформам четкую направленность и обеспечила дисциплину в их проведении. Позитивные результаты такой трансформации налицо, их сегодня в Литве мало кто отрицает. Но факт и то, что выбранная модель имела свои издержки.

Дело в том, что во время подготовки к вступлению в Евросоюз наши политические институты в значительной степени утратили способность формулировать собственную национальную повестку дня. Последние пять лет перед вступлением эта повестка примерно на 80% задавалась Евросоюзом. Нет у нас собственной повестки дня и сейчас. Мы утратили навыки формулировать ее самостоятельно, утратили политические и управленческие инстинкты. Но это, я думаю, пройдет, утраченные навыки восстановятся. А то, чего удалось достигнуть в ходе европеизации, уже не исчезнет. Это очень хорошая основа для дальнейшего развития.

Игорь Клямкин:

Я благодарю обоих докладчиков, Ремигиуса Шимашюса и Клаудиюса Манекаса, за интересные сообщения. Не хотелось бы, однако, чтобы мы под влиянием Клаудиюса отклонялись от экономической проблематики. О политических и правовых аспектах литовской трансформации нам предстоит говорить отдельно. Поэтому прежде, чем российские коллеги начнут задавать свои вопросы, хотелось бы получить более конкретную информацию о результатах литовской европеизации.

Вы говорили, что она увенчалась успехом. Как он выглядит в показателях экономического и социального развития? Нам это тем более важно знать, что европеизация при отсутствии самостоятельной повестки дня позволяет судить об эффекте такой европеизации, так сказать, в чистом виде. В отличие от России вы сосредоточили усилия на освоении европейских правил и процедур. Что дало это литовской экономике и литовским гражданам?

Андрюс Пулокас (полномочный министр посольства Литвы в РФ): Попробую ответить на идущий от нашего модератора запрос и дополнить выступления моих коллег статистическими данными. Начну с динамики ВВП, которая дала основание многим экономистам называть Литву и другие прибалтийские государства «балтийскими тиграми». Вот как выглядит эта динамика в нашей стране в последние пять лет: 2003 год – около 10% роста ВВП, 2004-й – 7,3%, 2005-й – 7,6%, 2006-й – 7,7%. В первой половине нынешнего, 2007 года рост составил более 8%.

Столь высокие показатели в значительной степени обеспечиваются благодаря зарубежным инвестициям, которые увеличиваются более чем на 10% ежегодно. Мы хотели бы, чтобы их рост был еще более существенным, но и тот, что есть, считаем вполне приемлемым. О ежегодном двадцатипроцентном увеличении экспорта в Европу и импорта из нее мои коллеги уже говорили, что свидетельствует о конкурентоспособности литовской экономики.

Как эти общие показатели сказываются на доходах населения? Литовский феномен заключается в том, что в последние два-три года темпы роста доходов еще выше, чем темпы роста ВВП. Скажем, в 2006 году средняя зарплата увеличилась на 20% и на сегодняшний день она около 500 евро. Средний размер пенсий возрос в том же году на 14% и составляет 169 евро. Что означает такая динамика в общеевропейском контексте? Если в 2004 году средний

показатель доходов населения составлял в Литве около 40% от среднего показателя в Европейском союзе, то сегодня мы имеем уже 55%. За три года мы продвинулись почти на 15 процентных пунктов.

Позитивные тенденции наблюдаются и в отношении безработицы. В 2003 году она составляла в Литве 12%, а в 2006-м была уже менее 5%. Сейчас она не является для нас серьезной социальной проблемой. Правда, уменьшение безработицы обусловлено не только увеличением числа рабочих мест после вступления в Евросоюз, но и довольно значительной эмиграцией из Литвы в страны того же Евросоюза, открывших для нас свои рынки труда.

Несколько слов об инфляции. В 2002—2003 годах ее в Литве не было вообще. Однако потом она начала расти, достигнув в следующие два года почти 3%, а сегодня она составляет уже 5%. Прежде всего это связано с увеличением цен на энергоносители, общим ростом цен в Европе, а также с повышением акцизных ставок.

Игорь Клямкин:

С такой инфляцией вы не сможете войти в зону евровалюты.

Андрюс Пулокас:

Мы, разумеется, планируем переход на евро, но в ближайшее время сделать это, по моему, не удастся. Потому что инфляция, повторю, вызвана не только нашими внутренними экономическими причинами, но и внешними. Какими-то искусственными мерами решить проблему не получится.

Виргис Валентинавичюс (главный редактор литовского информационного портала «Альфа»):

Я думаю, надо быть самокритичными. Наше правительство не сумело вовремя обеспечить переход на евро. Поэтому сейчас нам остается только планировать этот переход, не будучи уверенными в выполнимости такого плана.

Игорь Яковенко (генеральный секретарь Союза журналистов России):

Вы ничего не сказали о дифференциации доходов. Каков в Литве разрыв между наиболее богатыми и наиболее бедными группами населения? Каков коэффициент Джини?

Андрюс Пулокас:

Разрыв между наиболее богатыми и наиболее бедными группами составляет 12:1. Коэффициент Джини – 36. Такой же, как в Италии и Великобритании.

Игорь Клямкин:

У меня еще одна просьба. Хотелось бы получить и более обстоятельную информацию о том, как проводилась в Литве приватизация. О ней упоминал первый докладчик, Ремигиус Шимашюс, и я обращаюсь именно к нему. Это интересно нам уже потому, что в России легитимность крупной собственности, полученной в ходе приватизации, до сих пор ставится под сомнение. А как в Литве? Ваши крупные собственники – кто они? Как и благодаря чему они стали теми, кем стали? В Эстонии многие предприятия были проданы иностранным бизнесменам – прежде всего финским и шведским. Какую роль играл западный капитал при проведении приватизации в вашей стране?

Ремигиус Шимашюс:

Приватизация проводилась в два этапа. Первый этап – бесплатная массовая ваучерная приватизация. Было много споров по поводу того, хорошее это решение или нет. И хотя большинство экономистов считает, что оно не очень хорошее, в нем были свои резоны.

Игорь Клямкин:

Это были именные ваучеры?

Ремигиус Шимашюс:

Да. И торговля ими вначале была ограничена. Но это означало, что каждый человек должен был стать совладельцем предприятия, капиталистом, не имея к тому никаких навыков. Поэтому эффективные собственники в ходе ваучерной приватизации появлялись нечасто. И все же такая приватизация имела смысл, так как люди на собственном опыте поняли, что при отсутствии эффективных собственников их предприятия обречены на банкротство.

Второй этап – приватизация за деньги. Ее легитимность в Литве под сомнение не ставится, потому что в результате ее проведения экономика в целом стала быстро развиваться, а уровень жизни – повышаться. Мы сознательно создавали преференции для иностранных предпринимателей. С тем, чтобы западноевропейский и американский капитал был заинтересован в покупке наших крупных предприятий. И капитал этот в Литву пришел, что сыграло одну из ключевых ролей в трансформации нашей экономики. То же самое происходило и в других прибалтийских государствах.

Огромную роль сыграла в данном отношении банковская реформа. Уже в 1997 году в прибалтийских странах большинство банков были зарубежными. Такого не было нигде в Европе. Доля иностранного капитала (как и в Эстонии, чаще всего скандинавского) в литовском банковском секторе составляла тогда 97%. Наличие такой банковской системы создавало очень хорошие условия для проведения денежной приватизации. Предприниматели, у которых были идеи относительно развития предприятий, находившихся на грани банкротства, имели возможность получить банковский кредит и для их покупки, и для проведения модернизации. Речь идет не только о западных, но и о литовских предпринимателях, некоторые из которых стали в результате крупными магнатами.

Современный банковский сектор в сочетании с твердой валютой и устойчивой монетарной системой, которую нам удалось создать, позволил выстроить здоровую экономику. А при здоровой экономике никому в голову не придет сомневаться в легитимности происшедших перемен. В нашей приватизации, повторяю, большую роль сыграли частные иностранные банки, чего в России, насколько я знаю, не было.

Евгений Сабуров (научный руководитель Института развития образования при Высшей школе экономики):

Я несколько удивлен тем, что вы даже не упоминаете о роли российского крупного бизнеса в Литве. Не очень уверен и в том, что правомерно говорить об ее абсолютной переориентации на европейские рынки, о том, что с Россией вы не имеете теперь почти никаких экономических дел, кроме продажи нам старых западных автомобилей. Мне это утверждение не кажется убедительным.

Ремигиус Шимашюс:

Конечно, экономические связи с Россией сохраняются. Я уже говорил об энергетической зависимости Литвы: наша система отопления использует российский газ, его используют и наши предприятия. Но это не отменяет того, что основной тенденцией развития Литвы является увеличение экономических связей с Западом.

Что касается российского бизнеса и российских инвестиций в нашу экономику, то этот вопрос вызывает в Литве острые дискуссии. Я не хочу в него углубляться, но связан он с тем, что в случае с Россией не всегда легко отличить, о каких инвестициях идет речь – о государственных, влекущих за собой усиление политического влияния, или частных. Но если оставаться в границах чисто экономической логики, политики не касаясь, то российские инвестиции на литовскую экономику в целом существенного воздействия не оказывают.

Да, условия приватизации литовских газовых компаний были таковы, что только «Газпром» получил возможность купить треть всех акций. Это были преференции для «Газпрома». Но газовые компании, будучи важным сектором литовской экономики, не являются для ее развития определяющими.

Игорь Клямкин:

Не надо бы сейчас углубляться в проблемы, касающиеся экономических отношений Литвы и России. Об этом еще будет детальный разговор при обсуждении внешнеполитических вопросов.

Римантас Шидлаускас (посол Литвы в РФ):

Я все же кое-что хочу добавить. Есть факт, который заключается в том, что свыше 50% литовской торговли приходится на страны Евросоюза. Это означает, что ничего такого, что случилось у нас в 1998 году в связи с российским дефолтом и слишком большой в то время зависимостью Литвы от торговли с Россией, впредь уже не произойдет. Мы вам нового дефолта, разумеется, не желаем. Речь идет лишь о том, что зависимость литовской экономики от российской за последние годы существенно уменьшилась.

Правда, если сравнивать экономические связи Литвы и России со связями Литвы с отдельными странами Евросоюза, а не с Евросоюзом в целом, то картина выглядит несколько иначе. Россия и в нашем импорте, и в нашем экспорте – в первой тройке торговых партнеров. Наш торговый оборот с Россией в 2006 году превысил 5 миллиардов евро, причем с отрицательным сальдо в 1,5 миллиарда. Это, конечно, из-за энергоносителей, которые мы у вас покупаем. Количество же товаров, поступающих из России в Литву, сокращается. Что касается литовского экспорта в Россию, то я, как посол, очень рад тому, что наконец-то эти западные second-hand автомобили с ведущих позиций уходят, уступая первое место сельскохозяйственной продукции и продукции перерабатывающей промышленности.

И, наконец, о российском бизнесе в Литве и российских инвестициях. Крупнейшие российские компании «Газпром», «Лукойл» и другие инвестируют деньги в литовскую экономику. Мы заинтересованы в том, чтобы в Литву шел из России частный капитал. Никаких препятствий этому нет. Период, когда мы предоставляли преференции западным инвесторам (это было связано с нашей евроатлантической интеграцией), теперь уже в прошлом. Вот уже несколько лет, как формальные условия для инвестиций с Запада и с Востока у нас выровнены.

Александр Аузан (президент Института Национального проекта «Общественный договор»):

Мне показалось любопытным то, что я услышал о литовском экспорте. Ведь что получается? Когда ваш экспорт шел на Восток, это был высокотехнологичный экспорт одной из самых развитых республик, входивших в состав Советского Союза. Сейчас, как я понял, на Восток, т. е. в Россию, идет совсем другая продукция. А что идет в Европу? Как изменилась структура вашего экспорта после его поворота на Запад?

Игорь Клямкин:

Не очень корректно, наверное, говорить о литовском «экспорте» на Восток применительно к советскому периоду, когда Литва входила в состав СССР. Но вопрос, я думаю, понятен.

Ремигиус Шимашюс:

Понятен. Действительно, в СССР мы были среди самых развитых в промышленном отношении регионов, а в Евросоюзе оказались среди догоняющих. В советское время мы имели электронную промышленность, а к настоящему времени почти всю ее потеряли: остались последние заводы, но и они банкротятся. Это почти полностью утерянный сектор. Но другие секторы – такие, как производство сельскохозяйственной продукции, текстильная и мебельная промышленность, – уверенно и успешно развиваются, причем именно за счет того, что ориентируются на западного потребителя. Те предприятия этих отраслей, которые были модернизированы, сегодня вполне конкурентоспособны на европейских рынках.

Правда, по разным причинам. Есть литовские производители, которые получают преимущества, например, перед китайскими за счет своей территориальной близости к Западной Европе – их товары приходят на европейские рынки быстрее и стоят дешевле благодаря меньшим затратам на транспортировку. Но есть и такие предприятия, которые конкурентоспособны прежде всего благодаря высокому качеству их изделий.

Александр Аузан:

А люди, которые работали в электронной промышленности, – где они теперь? Уехали из страны?

Ремигиус Шимашюс:

Точными данными я не располагаю, но не думаю, что среди работавших именно в этой отрасли повышенный процент эмигрантов – притом, что эмиграция из Литвы очень большая. Скорее всего, большинство из них перешло в другие отрасли.

В электронной промышленности были заняты две категории людей. Во-первых, это инженеры, которые имеют возможность применять свои знания и способности в других отраслях. Во-вторых, в советские времена в электронной промышленности трудилось огромное количество людей без какого-либо специального образования; они выполняли самую простую работу. И эти люди переходили в торговлю и другие сферы деятельности, которые очень быстро развивались в постсоветский период. Были такие случаи, когда, например, закрывался завод, изготавливавший телевизоры, и уже на следующий день до 20% его бывших работников оказывались в строительной отрасли.

Александр Аузан:

Значит ли это, что в ходе либерализации экономики Литве вообще удалось избежать социальной напряженности?

Ремигиус Шимашюс:

Если говорить о периоде с 1990 по 1996 год, то это было, конечно, очень нелегкое для всех время. Время, когда старое разваливалось, а новое еще не было создано. Многие люди довольно быстро осознали, что они потеряют работу на заводах, которые не могли выжить в условиях свободной и открывшейся миру конкурентной экономики. Это было болезненно. Но тогда трудности воспринимались совсем не так, как сейчас.

Люди знали, что происходит трансформация и что многое будет меняться. И психологически они были на такие перемены настроены. Они хотели приспособиться к ним и, как

правило, не испытывали желания сохранить прежние порядки. Поэтому большинство из них довольно спокойно воспринимало то, что тогда происходило.

Да, когда мы приняли решение о либерализации цен (а это было сделано еще в 1990 году, когда существовал Советский Союз), имели место уличные протесты. Это были протесты против литовской государственной независимости и демонтажа коммунистической системы. Протестовали люди, которые имели коммунистические сантименты и выступали за сохранение советского прошлого. Но в большинстве своем население ориентировалось на перемены. И оно было озабочено прежде всего тем, чтобы найти свое место в новых условиях, которые создавались в Литве с нуля. Это было время не только потерь, но и заново открывавшихся возможностей.

Александр Аузан:

Когда люди начали уходить в новые отрасли, в новые сферы деятельности, что в это время делало правительство? Обеспечивало доступ к кредитам для того, чтобы люди могли открыть свое дело, или ничего в данном отношении не делало, как было в начале 1990-х в России?

Ремигиус Шимашюс:

Оно делало, но не то, о чем вы говорите. Почему, скажем, в 1993—1996 годах возрос наш государственный долг? Потому что правительство пыталось спасти старые отрасли, а не помогать новым. Теперь ситуация иная, но тогда это было массовым явлением. Почти в каждом регионе имелись крупные предприятия, которые в большинстве своем уже обанкротились, но правительство старалось их поддерживать. Конечно, спасти эти предприятия все равно не удалось...

Римантас Шидлаускас:

Я хочу сказать по этому поводу несколько слов не как посол, а как литовский гражданин. Кто бы ни находился в Литве у власти – правые или левые, – правительство всегда было ориентировано на помощь крупному бизнесу при недостаточном внимании к развитию среднего и малого. Следствием этого является уже упоминавшаяся здесь достаточно большая миграция: за последние 10 лет от нас уехало 350—400 тысяч человек. Для страны с населением менее 4 миллионов жителей это много. Крупный бизнес не в состоянии создать необходимое число рабочих мест, а средний и малый без сильной государственной поддержки развивается слабо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.